

Корабль
Уродов

ТАРГУЛЯ И КОМПАНИИ

16+

Ксения Таргулян

Корабль уродов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11298479

SelfPub; 2022

Аннотация

Дайте мне власть над всеми клешнями, крыльями и щупальцами мира – и я, наверно, потеряю человеческую сущность. Впрочем, обладал ли я ею когда-нибудь? Ведь мы родились с этой властью, и разве не наше законное право – повелевать жестокими уродцами? Но, кажется, эта сила утекает сквозь пальцы... В ответ на мысли я вижу лишь десятки бесчувственных белесых глаз перед собой. И страх забирается под кожу от их взгляда. А этот ваш мир – с фабричными холодильниками, с сетями проводов по небу и толпами пассажиров под землей – он уже, похоже, подготовил приветственную клетку для таких, как я.

Ксения Таргулян

Корабль уродов

Корабль уродов
Ксения Таргулян

2011–2014

Корабль уродов, где твой штурвал и снасть?

Я так боюсь упасть в морскую воду.

Корабль уродов, что ты готовишь мне?

Гибель в морской волне или свободу?

– Аквариум, «Корабль уродов»

Пролог | 0

Крышка заперта, и тринадцать лет зверек сидит в лодушке. Он ничего не знает о наружном Мире, но чувствует, что тот существует; об этом ему говорят не глаза, не уши, не нос, не кожа, об этом говорит чувство, зародившееся просто потому, что зверек так долго томился взаперти

– Рей Брэдбери, «Попрыгунчик в шкатулке»

Было около одиннадцати вечера, и замок тонул в шуршащем дожде.

Вернее тонуло то, что условно называлось «Замок». На деле это сооружение скорее походило на гигантский коралл или корягу, поросшую моллюсками и лишайником. Неловко выгнутая башня из пузырящегося камня – она будто застыла в момент кипения, а может, она всё еще кипит, но очень медленно. У ее подножья лежали коренастые цеха, напоминающие капли парафина, растекшиеся вокруг свечи.

Эта конструкция, как и все строения кораблистов, имела свое собственное имя на полузабытом языке, и было у него два варианта перевода: «Кривой гвоздь» и «Филигранное острие». Первый вариант был значительно популярней. Наверно, потому что он короче.

Внутри цехов не прекращалась работа. Шипело мясо на сковородах, стегались элементы платьев, замешивалось липкое сырье для бумаги... Тысячи маленьких рук, ног, щупалец, клешней, ложноножек и клювов не смело оторваться от своих обязанностей.

Время от времени какой-нибудь желто-сизый восьмилапый «человек» с шипами вдоль позвоночника срывался с места и, еле удерживая на плоской голове тяжелое блюдо, несся по узким коридорам в башню. Там его встречали «слуги», наиболее симпатичные из кораблистов. Например, хамелеонистый ящер с тремя огромными лиловыми глазами, опирающийся на задние лапы и хвост и наряженный в атласный

малиновый камзол. Слуга относил поднос на стол хозяйке, и хозяйка должна была попробовать.

Вренна, та самая хозяйка, небрежно кивала и продолжала сосредоточенно вести свои компьютерные войска в наступление.

Проголодавшись, она подходила к огромному обеденному столу и откусывала понемногу от каждого кусочка филе, каждого жаренного ребрышка и каждого пропеченного сердечка. Тем самым она утоляла голод и выполняла свой священный долг.

Затем она выпивала витамины, восполнявшие в ее организме недостаток растительной пищи, и садилась за книгу или за арфу.

Иногда она открывала изогнутое окно и высовывалась в него, подставляя себя дождю. Холодные капли шлепались о самую макушку и тяжелыми ручейками стекали по серым от недостатка солнца волосам, сбегали вниз по позвоночнику, заливали глаза.

Бывало – где-то раз в неделю – и так: некто глупый и самонадеянный забредал в темный лес, окружавший Замок, и не успевал опомниться, как десяток присосок, когтей и подвижных усов облепляли его со всех сторон. Иногда незваного гостя сразу доставляли на кухню. Иногда – начинали с башни. Его конечности, рот и глаза слеплялись с помощью клейкой слюны специальных кораблистов, и он, полумертвый от страха, дрожал на холодном полу.

Убить его было еще одной ритуальной обязанностью Вренны. Причем желательно старинным заржавелым ножом. Но чаще всего ей до того не хотелось пачкать одежду и руки, что она пристреливала жертву из пистолета (привычный толчок отдачи – черная дырка в черепе), а то и вовсе приказывала кораблистам самостоятельно разобраться с несчастным.

Как-то так, довольно однообразно и ненавязчиво, уже семнадцать с лишним лет текла жизнь мисс Вренны Вентель.

II

Виктор Дубов без сознания лежал на мраморном полу узкого темного коридора. По стене и потолку над ним сновали черно-сизые букашки и пауки. Их тоненькие цепкие лапки отрывали от каменной поверхности невидимые частицы пыли, и те, кружась, опускались на Виктора Дубова.

Он был бы определенно рад не приходить в себя и не узнавать, где он, но откормленный желудок Дубова решил иначе: он грозно заурчал, требуя еды, и его хозяин с неохотой заворочался, постепенно просыпаясь. Наконец проморгавшись, Дубов с ужасом огляделся по сторонам. После нескольких попыток перепроснуться в родной кровати рядом с толстухой-женой, он всё-таки вспомнил, на чём окончилось его вчера. И снова пожалел, что очнулся.

Виктор Дубов родился и прожил всю свою короткую и яркую жизнь (всего пятьдесят три года, за которые он не успел

даже съехать от родителей) в поселке городского типа Забытая Вышь, в паре десятков километров от которого высился Замок Вентеделей. И сколько он себя помнил, он всегда был уверен, что уж кто-кто, а такой уравновешенный и разумный житель Забытой Выши, как он, Виктор Дубов, точно никогда не попадет в руки этим кровожадным тварям! И вот те на... Как же так, ведь он был почти трезв и отчетливо помнил, что не выходил за пределы города?

К Вентеделям попадали глупые мальчишки, зазря лезущие на рожон, или слишком любопытные туристы, желавшие своими глазами увидеть такую диковинку, как кораблиста. В крайнем случае, неосторожные охотники, вздумавшие попытать счастья в лесу к западу от поселка. В общем, кто угодно, но только не он, не Виктор Дубов! Это какая-то чудовищная ошибка! Как мог он, с детства приученный даже не смотреть на этот лес, оказаться пленником Замка?!

Неподалеку слышались чавкающие шаги чьих-то мокрых и липких стоп. Распластанный на мраморе Дубов чуть не вскрикнул от испуга и схватился за отекавшее жиром сердце. В просвете, открывающемся в конце коридора, показался уродливо изломанный силуэт, и главная мышца Виктора Дубова пропустила один удар, а потом заколотилась, как мотор.

Это был кораблист. Лысый, с пятью или шестью кривыми тонкими конечностями, болотно-голубой поблескивающей кожей и длинными, свисающими почти до пола ушами. Он замер напротив Дубова, сверля его пустым взглядом па-

ры молочных глаз разного размера, затем внезапно выпрямил все свои семь лап (в каждой по четыре или пять суставов) и, по очереди забросив их на потолок, скрылся из виду.

Дубов размяк и растекся медленно дышащей лепешкой.

Кораблисты, эти уродливые миньоны Вентеделей, были главной бабушкиной страшилкой, самыми жуткими монстрами мира и одновременно всего лишь безропотными слугами кучки везучих людей.

Вентедели... Хотел бы он оказаться на их месте! Жить в роскошном замке и повелевать армией уродцев!.. Да, эта идея пришла Виктору Дубову по душе.

Но – нет. Он не Вентедель, он всего лишь Дубов. И сейчас он по другую сторону баррикад, сейчас он – жертва этих самых Вентеделей-кочарлистов. А как с такими вот жертвами тут обходятся – известно...

Отражаясь от каменных стен, по замку пронеслись далекие гулкие голоса.

Вздрогнув, Дубов вжался в угол, тщетно прислушиваясь к тающим звукам. Вскоре он разобрал, что это два женских тембра: один звонче, другой глуше и бархатистей. А затем, не прошло и двадцати секунд, до него начали доноситься и слова:

– ...Я ведь так и знала, что не удосужиться он заехать за тобой! Этот твой Джек...

Высокий голос воскликнул что-то возмущенно, прерывистый от быстрого шага.

– Потому что всё рушится, – прозвучало в ответ. – Идем быстрее.

Дубов внезапно осознал, что женщины, должно быть, совсем рядом с коридором, в котором валяется он. Тихонько поднявшись на ноги, он подкрался к выходу и огляделся.

Впереди была тяжелая нависающая арка со старинными узорами, а за ней открывался огромный мрачный зал с высоким резным потолком, поддерживаемым массивными колоннами. В центре зала находился известный по народному фольклору Каменный Лотос, а неподалеку от него в нерешительности остановились говорившие особы.

– То есть ты предлагаешь мне всё бросить и просто так ехать?

– Да!

– Но, мам!..

– Вренна, ты же не хочешь, чтобы и твои кораблисты взбунтовались!

– Что?!

Не вникая в суть беседы, Дубов с неуместным интересом разглядывал представительниц прекрасного пола.

Одна из них – та, что с низким голосом – была роскошной дамой, будто из кино: высокая, округлая, изящная, с крупными черными кудрями, блестящими в тусклом свете. Ей можно было дать порядка тридцати двух–трех, и держалась она весьма аристократично.

Другая девушка стояла к Дубову спиной, и он мало что

мог о ней понять. Она была на полголовы ниже собеседницы, одета в джинсы и тунику. Ее длинные темно-серые волосы несуразно топорщились в разные стороны. Если бы не взрослый голос, Дубов дал бы ей не больше двенадцати.

– Ну скажи хотя бы, куда мы едем, – раздраженно попросило это безвозрастное создание.

– Всё объясню по дороге.

Старшая леди настойчиво потянула дочь вперед, и, зашагав, та повернулась к Дубову боком, так что он смог рассмотреть ее лучше.

И здесь уже было, на что положить глаз. Да, она оставалась такой же худосочной, но те миниатюрные признаки женственности, которыми она обладала, притягивали внимание.

Дубов с удивлением ощутил некое шевеление между ног, обусловленное, впрочем, больше страхом, чем возбуждением. Но не успел он как следует задуматься об этом, как по залу прошмыгнула пара чешуйчатых кораблистов и, не дав ему опомниться, ухватила его липкими фиолетовыми языками за руки. Он хрипло заорал, ударяясь спиной о мрамор, и стал изо всех сил пытаться вырваться на свободу.

Женщина и девушка бросили на него безразличные взгляды и продолжили путь.

«Имя, имя!..» – судорожно вспоминал Дубин, с ужасом чувствуя, как холодная слюна стекает по его локтям.

– Мисс Вренна! Мисс Вренна! – завопил он, дергаясь всем телом и якобы мешая кораблистам тащить его.

Девушка с недоумением обернулась на него и проводила взглядом до следующей арки.

– Помогь!..

Оторвавшись от руки, один из языков с размаху ударил его по губам, заставив захлебнуться густой безвкусной жижей. Затем, не позволив опомниться, он обвил его голову и начал медленно сжимать.

Человеческое тело в объятьях кораблистов слабо задержалось, утробно скуля сквозь липкий сиреневый кокон. Но стоило чему-то внутри этого кокона тихонько хрустнуть, как и стоны, и судороги разом прекратились, тело обмякло, и только внизу, под коконом, начала образовываться блестящая красная лужица.

III

Что, черт возьми, я делаю в толстой голубой машине, которая мчит меня прочь от родного Гвоздя?

В зеркале бокового вида отражалось мое белое лицо с выпученными глазами. За стеклами, ударяя по ним, проносились бесконечные мокрые ветки.

– Мама, что происходит? – прошипела я, обернувшись в сторону водительского сиденья.

Моя родительница, Алитерра Вентедель, Алита, не отрывала пылающего взгляда от дороги, точнее, от неверной тропы. Ее крупные черные кудри подпрыгивали на плечах при каждой кочке, на которую мы наезжали.

Я медленно выходила из себя. Нет, ну как так можно:

практически не заезжать ко мне десять лет и внезапно заявиться со словами: «Вренна, срочно поехали! Не собирай вещи, у нас нет времени! Скорее в машину!»

Не удержавшись, я выругалась себе под нос и почти закричала:

– Ну? Объясни мне наконец, в чем дело?! Куда ты меня везешь?!

– Домой, – выдохнула мама, будто сама не веря своим словам. – Ко мне домой.

– В твой Замок?

– Нет. Забудь про Замки.

– Что?!

Да я кроме Замков ничего в этом мире не знаю!

Алита вздохнула, немного расслабившись и ведя спокойнее. Похоже, мы приближались к границе ареала кораблестов.

– Послушай... – неуверенно начала она. – Ты, наверное, слышала про бал-маскарад, который давал Мморок около года назад, в октябре прошлого года?

Мморок – это мой отец. А может, всего лишь официальный муж моей матери. Кто знает.

– Ну, что-то такое слышала, – я пожала плечами. – При чём это здесь? Меня туда всё равно не звали.

– Ты слышала, это точно. Какой-то герой там выступил с автоматом.

– А, это когда все напились и перестреляли корабли-

стов? – я в недоумении усмехнулась. Что ж, это и правда была громкая история.

– Да, там было убито больше трехсот, – кивнула мама. – А это – грандиозное нарушение, – ее глаза странно сверкнули, и по лицу поползла улыбка.

Я молчала.

– Сначала, – продолжала мать, – никто не придавал этому особого значения, тем более что определить виновника не удалось: все были в масках и пьяные... Но уже вскоре, буквально через несколько дней, некоторые Вентедели стали жаловаться, что им приходится повышать на кораблистов голос, чтобы те подчинялись. В городках поблизости от Замков стали пропадать люди – куда больше, чем обычно. А в начале зимы случилось неслыханное: кораблисты напали на Эрвадду Вентедель, твою двоюродную тетку – они приняли ее за обычного «гостя» и разорвали! Понимаешь, к чему я веду?

Я пока что не только не понимала, но и не слишком верила:

– Постой-ка, хочешь сказать, кораблисты убили кого-то из Вентеделей? Но такого просто не может быть. И почему тогда Джек мне ничего не рассказал? – Впрочем, насчет Джека мне всё было понятно.

Мама с отвращением поморщилась:

– Этот твой Джек... Мало ли что у него на уме.

– Он твой брат вообще-то!

– Ай! – она отмахнулась кудряшками: руки-то заняты.

Я хмуро ждала продолжения рассказа. Спорить было явно бесполезно, да и к тому же от рваной езды меня уже изрядно подташнивало, и лишний раз открывать рот не хотелось.

– Так вот... – негромко заговорила мама. – Около месяца назад одни Вентедели-молодожены едва унесли ноги от взбесившихся кораблистов. Плюс ко всему, учащаются случаи похищения людей из городов или деревень. Возможно, это лишь вершина айсберга, и я многого не знаю. Но ясно одно: мы теряем свою власть над кораблистами. В один прекрасный день ты можешь проснуться не в теплой постельке, а на кухонном столе, Вренна!.. – ее голос едва заметно дрогнул.

– Я не замечаю ничего такого, – холодно бросила я. – Я свою власть не теряю.

– А я теряю! – воскликнула мама. – Просто до тебя очередь еще не дошла.

– Может, я просто не была на том маскараде? – насмешливо предположила я.

– Наказание распределяется неравномерно... – начала было мама, но я раздраженно буркнула:

– Да знаю я! Хватит. Хватит нести этот бред, мам. Такого просто не может быть.

– Да почему?! – она так увлеклась разговором, что мы едва не вмазались в дерево.

Я невольно поежилась. Последний раз я ездила на авто-

мобиле совсем ребенком, когда меня везли в этот Замок, и с тех пор совершенно отвыкла от этих ощущений. Впереди виднелось шоссе, и когда мама вывернула не него, машина начала быстро набирать скорость.

– Потому что, мам, – устало ответила я. В пищеводе неприятно переваливалась некая субстанция. – Потому что Вентедели нарушают Договор много сотен лет, и нужно быть просто жуткими везунчиками, чтобы крушение Равновесия пришлось именно на наши жизни.

– Но это же!..

– Невозможно. Просто – невозможно.

– Вероятность есть, не скажи!

Я закатила глаза.

Когда-то в детстве, в свои десять-одиннадцать лет, я часто задавалась вопросом, можно ли изменить законы? Можно ли сбежать? Можно ли переделать всё так, чтобы жить, как тебе хочется? Можно ли сломать систему?.. «Нет, – говорил мне каждый раз снисходительный мужской голос. – Нет, мы бессильны», – пожимал плечами Джек и затягивался марихуаной.

Не лучший учитель, но он был единственным, с кем я могла общаться, единственным человеком, которого я видела в течение долгих лет. Я могу ненавидеть и проклинать его сколько угодно, но не признать, что он был нужен мне – не могу. Трудно представить, что было бы, живи я всё это время *только* с кораблистами.

– Мам... – тихо позвала я. – Хватит сходить с ума. Нам с тобой обеим достанется за эту ночную прогулку. Отвези меня домой и сама отправляйся к себе.

– Нет, – также тихо, но твердо отказалась она.

Еще немного, и я начну паниковать: мне нельзя выходить за пределы ареала. Это понизит баланс, это нарушение Договора... К тому же Джек обязан будет наказать меня, если узнает.

Я почувствовала, как внутри растекается страх. Мне нужно было вернуть домой. Мне никак нельзя уезжать отсюда!..

– Ма-ам... Мам, пожалуйста... – голос жалобно дрожал. – Мам, отвези меня обратно. Ну что же ты делаешь?.. ну...

– Прекрати! Ты не понимаешь. Ты там погибнешь.

– Ну перестань, что за шутки? Там мой дом, я должна быть там... Зачем ты всё это делаешь?..

Мама испустила долгий пульсирующий вздох и крепче перехватила руль.

– Замолчи. Не отвлекай меня от дороги.

–

Около двух ночи мы приехали в каменный город, оранжевый от фонарных огней. Ключи от гостиничного номера были уже у мамы, то есть она планировала здесь остановиться. Мы поднялись на третий этаж, нашли нужную дверь...

Внутри страдал бессонницей опрятного вида мужчина лет сорока пяти. Его лоб был рассечен морщинами, а глазницы серели, будто покрашенные. Но при виде нас мужчина ожи-

вился, и его лицо приобрело более ясное выражение.

– Алита!..

Она поцеловала его, обнимая и глядя по руке – я даже подумала: не сбежать ли? Дверь открыта, люди заняты... Но куда бежать, я всё равно не знала.

Наконец они оторвались друг от друга, и мама закрыла дверь.

– Позвольте познакомиться, – начала она, всё еще облизывая губы, – моя дочь, Вренна Вентедель. – Мужчина кивнул, вежливо и слегка напряженно улыбаясь. – Алексей Ринский, мой муж.

Я вскинула брови.

– Муж? Я думала твой муж – Мморок Вентедель.

Алита и Алексей одновременно поморщились.

– Ну ты же понимаешь... – мама чуть виновато улыбнулась.

– Отлично... – я не могла прогнать с лица холодной усмешки. Разумеется, понимаю, но показывать-то его мне зачем?

Мама глядела на меня, и взгляд ее всё больше тяжелел.

– Вренна... Ну поверь же мне. Мы действительно теперь... свободны, – ее глаза расширились при этом необъятном слове. – Разве ты никогда не мечтала об этом?

Я сощурилась. Какого черта? Да, я мечтала, я страстно хотела свободы, но это было давно, и тебе неоткуда знать об этом! Ты не видела меня много лет!..

Я передернула плечами.

– Может быть. Но мечты они на то и мечты, чтобы не сбываться.

– Откуда столько пессимизма? – подал голос Алексей, и я на секунду изумленно взглянула на него: он что, смельчак?

– Мам, ну хорошо, – заговорила я примирительно. – Ты... любишь этого «мужа», да?

Она невольно расплылась в улыбке.

– Любишь, и хочешь, чтобы законы вам не мешали. Понятно. А теперь взгляни на это со стороны: это же просто помешательство. Ты... выдумала это внезапное освобождение, ты!..

– Вренна! Я что сумасшедшая, по-твоему?!

– Ну... да! Иначе это никак не объяснить!

Алита просто горела возмущением, да и Алексей мрачно хмурился.

– Ну, послушай, – продолжила я. – Представь хотя бы на минуту, что это иллюзия. И подумай... хотя бы о том, какой опасности ты подвергаешь вот этого «мужа»!

Черты на мамином лице сжались.

– Уже то, что ты показываешь его мне!.. – я собралась с мыслями и закончила: – Откуда ты знаешь, что я вас не сдам?

Алита почти дрожала, зато Алексей ответил с благородным хладнокровием:

– Вы бы не стали упоминать это, если бы собирались раскрыть кому-то наш секрет.

Я покосилась на него. Хм, что, а это мысль.

– Алексей, – настойчиво обратилась я к нему. – Вот вы – производите впечатление разумного человека. Вот скажите, велика ли вероятность, что бы Договор, незыблемый в течение многих сотен лет, был разорван именно сейчас?

Он молчал, очевидно, и сам сомневаясь.

– Как разумный человек, пожалуйста, помогите мне объяснить вот этой глупой влюбленной женщине, что это – полное безумие.

– Вам стоит быть вежливее с матерью.

– Что?!

Да они оба издеваются.

– Ладно, ладно... – я медленно выдохнула. – Мама. Я забуду этот инцидент. Ты можешь жить со своим принцем, где хочешь и как хочешь. Только, пожалуйста – отвези меня домой. Ты только представь, как я буду вам мешать! Зачем вам...

– Не беспокойся, – улыбнулась мама. – У нас уже есть две такие помехи.

Я обмерла на секунду, а придя в себя, чуть не схватилась за голову:

– Ну зачем ты мне всё это говоришь? С каких пор мы подружки? Как ты могла так увязнуть в человеческом мире – ты рискуешь всё потерять!

– Игра стоит свеч.

– Дура!

– Да как ты разговариваешь с собственной матерью?! – не выдержал Алексей.

– Матерью? Да нет, похоже, это какая-то незнакомая женщина, обезумевшая от счастья. Моя мать на двадцать лет старше. Была! Десять лет назад.

Мама слегка покраснела от такой грубой лести и невольно заулыбалась, а я отвернулась, вспоминая, как не узнала ее в первую секунду. Увидев в коридоре – я сначала решила, что она обычный человек, жертва, которой чудом удалось скрыться от кораблистов...

– В общем, так, – произнес Алексей тоном, не терпящим несогласия. – Я верю Алите, и поэтому всё будет, как она говорит. Вы, Вренна, отправляетесь с нами в Сплинт... и лучше бы вам поскорее освоиться с порядками нормального мира.

IV

Кривой Гвоздь уродливо взрезал собой закатное небо, и оно тревожно краснело и колыхалось над головой. Джек вылез из внедорожника, небрежно захлопнул дверцу и легкой трусцой двинулся к кованым воротам, отливающим алым. Негромко постучал, и почти тут же створки с ржавым скрипом начали раздвигаться. За ними стоял коренастый, отдаленно напоминающий гнома кораблист с тремя рядами заточенных зубов и парой щупалец, свернувшихся на груди.

Мельком оглядев его, Джек поспешил внутрь Замка, но затем обернулся и взглянул на миньона внимательней.

– Позови хозяйку, – приказал он, но кораблист не сдвинулся с места.

Джек подавил леденистую искорку, замелькавшую в груди.

– Позови Вренну Вентэдель, – спокойно повторил он, но не получил в ответ никакой реакции.

«Ладно... – подумал Джек. – Ладно...»

Он быстро зашагал по направлению к центральной лестнице, периодически отлавливая на пути встречных кораблистов и безуспешно пытаясь добиться от них подчинения. Преодолев три этажа, он несколько раз свернул по коридорам и распахнул дубовую дверь.

Кровавый свет из окна, рыжие блики на неубранной постели и раскрытой книге... и никого.

Джек невольно сжал скулы.

«Ладно...»

Он пустился дальше по коридору, врываясь в каждую и каждую комнату, но все были пусты.

«Всё, конечно, в порядке. Я сейчас ее найду», – но он сам себе не верил, и сердце противно ныло за ребрами.

Он поочередно обследовал все этажи и все закоулки, но Вренны здесь не было. Он начал было второй круг, но заряд внезапно кончился, и он застыл, прижавшись спиной к холодной и твердой колонне. Расширенные глаза уставились на несколько секунд вникуда, кулаки сжались до боли. В его животе поселилась шаровая молния и жалила его, ударяясь

о внутренние стенки тела.

Джек поймал взглядом бледно-желтого ползучего кораблиста в другом конце зала, стремительно направился к нему и, схватив за шею, швырнул в стену. Тварь жалобно пискнула и скрылась из виду.

«Опоздал. Вот так, просто – опоздал!.. – Джек заметил возле лестницы разнородную стайку, приблизился и, не целясь, выпустил по ним несколько оглушительных выстрелов. – Ну так что теперь! Извините, мадмуазель Вренна, сами запросились! Сами не уехали!»

Он грозно взлетел по ступеням, пронесся мимо распахнутых дверей и ворвался в ту, первую. Задернул шторы. Швырнул на пол какую-то тетрадку. И без сил опустился на кровать.

«Нет, ну ясно. Что тут теперь разбрасываться вещами? Я, как всегда, просчитался...»

Он откинулся на подушки и тупо уставился в потолок.

Воображение рисовало перед взором простой и предсказуемый эпизод. Утро. Она, как всегда, ленится вставать и дремлет тут, в этой мягкой уютной постели, свернувшись клубком и мерно дыша. Золотистая полоска света от окна крадчиво подползает к ней, но пока не будит... Она чуть заметно улыбается какому-то милому сну. Дверь открывается со стоном, и в комнату влетает клочок холодного ветра. Она с неохотой открывает глаза и спокойно смотрит, как один за другим входят кораблисты. «Что это значит?» – удивленно

спрашивает она себя, и ответ не заставляет себя ждать. Один из кораблистов бесцеремонно хватает ее за тонкую шею и стаскивает на пол. И вот тут ее жемчужные глаза наливаются ужасом... А дальше – не проходит и пяти минут, как ее приволакивают в кухонную операционную на подвальном этаже, распластывают на сверкающем алюминиевом столе и препарируют заживо.

Джек резко сел на кровати и схватился за голову. «Чертово воображение! Почему нельзя считать, что ее просто убили во сне?!»

На несколько минут он выпал из реальности, погрузившись сознанием в небытие. Затем, придя в себя, слабо поднялся на ноги и начал медленно подбирать какие-то предметы, осматривать и бережно класть на место.

Что дальше? Вечный вопрос... И вечный ответ – темнота. Но каждый раз приходится продолжать. Вот и сейчас. Что впереди непонятно, но единственный способ жить – идти дальше вперед.

Краем глаза Джек уловил кораблиста, проскакавшего по коридору...

Пора было убираться отсюда.

Не глядя, он захватил с собой несколько книг или тетрадей, тяжелый серебряный браслет и еще пару безделушек, пылившихся на тумбочке, и поспешил к выходу. Широкие пролеты лестницы были наполовину заполнены кораблистами – они стояли на ступенях без дела и только провожали

Джека бездушными цепкими взглядами. С трудом изгоняя из себя панику, он быстро шагал вниз, но за каждым новым поворотом его ждала еще более плотная толпа, и все неотрывно наблюдали за его передвижениями.

Прорвавшись сквозь очередную заставу, Джек сорвался на бег.

Оставалось преодолеть один зал, и на другом его конце уже виднелись заветные ворота. Если удастся выбраться, наружу они за ним не ползут... по крайней мере, он на это надеялся.

Он бросился что было сил сквозь зал, но наперерез ему проскользнули кораблисты и застыли у самых дверей. Джек прошелся по ним испепеляющим взглядом.

– Пропустите! – рявкнул он.

Без эмоций.

– Пропустите, я сказал! Дайте мне пройти!

Он ловко выцепил оружие из кобуры и направил на них. Ха, если бы они боялись смерти!

Он наклонился к одному из них, к самому его плоскому бордовому лицу, и процедил сквозь зубы:

– Сделай шаг в сторону.

Кораблист помялся немного на месте и подчинился. Не дожидаясь, пока он передумает, Джек протолкнулся в образовавшийся проход, вырвался к дверям, распахнул их и спрыгнул с крыльца в ночь.

За шиворот хлынул промозглый ветер, и Джек едва устоял

на ногах – такая дрожь внезапно захватила всё его тело. Но расслабляться было еще рано. Чувство защищенности вне Замка – в сущности, не более чем иллюзия.

Он забрался в машину, завел ее и, взметая ошметки грязной земли, газанул прочь. Ни о какой тропе или тем более дороге в этом лесу речи не шло, и ехать приходилось, ориентируясь только по направлению, но это направление Джек знал как свои пять пальцев. Возможно, если бы не частые дожди, здесь бы даже виднелись следы от его (и только его) шин... Но, видимо, больше им здесь не появляться.

Вскоре он выбрался на трассу и по ней доехал до поселка. Здесь заправился, купил несколько соблазнительно поблескивающих бутылок и рванул прочь по федеральной магистрали.

Ночной кошмар | 1

I

– Бедная девочка, она совсем не выходит из комнаты...

Голос звучал взволнованно, почти надрывно. Было давно за полночь, и Алита то переходила на шепот, боясь разбудить детей, то срывалась и начинала говорить громко и на высокой ноте.

Алексей молчал, опустив взгляд. С каждым днем, что они заставляли эту девушку, Вренну, делить с ними квартиру, он всё больше сомневался в разумности такой идеи. Она вну-

шала ему подсознательный страх, эта Вренна. Она ничего не делала, почти ничего не говорила – просто сидела на кровати в отведенной ей комнате, словно аутист, но тем не менее – она пугала его.

– Ну, поговори с ней, – неуверенно предложил он.

– А ты думаешь, я не пыталась? – вздохнула она, по-своему сверкнув глазами. – Может, ты попробуешь?

– Я?!

– Но ты же приучил меня к этому миру, – улыбнулась она.

Он предпринял несколько бездарных попыток вывернуться из узлов ее красноречия, но в итоге смирился и пообещал «поработать над этим».

Весь следующий день он то и дело цеплялся мыслями за нерешенную задачу, а вечером отправился в магазин электроники и купил довольно дорогой смартфон. Алита не оценила идею, так что вручать подарок пришлось тоже ему самому.

Узкоплечее малохольное существо на кровати подняло взгляд и вцепилось им в Алексея, стоило ему приоткрыть дверь. Он протянул ей телефон и сухо прокомментировал:

– Вот. Чтоб не так скучно было.

Девушка приняла подарок аристократичными пальцами и тихо усмехнулась.

– Покажите, как пользоваться.

С того дня сидение Вренны на кровати приобрело более осмысленный характер: она читала, играла, смотрела филь-

мы и делала первые шаги по просторам интернета. Но Алице такой результат по-прежнему не устраивал, и она не переставала жаловаться, что Вренна ее к себе не подпускает. «А ты хорошо ладишь с детьми», – проникновенно улыбаясь, говорила она.

И вечером, в начале марта, он решился снова зайти в домашний филиал психбольницы.

– Хм... Как вам телефон? – кое-как заговорил он, с трудом обращаясь на «вы» к девочке-подростку.

– Хорошо, – Вренна пожала плечами – лицо в сумрачной комнате освещено только мерцанием экрана. – Спасибо.

Алексей зашел, прикрыл дверь. Включил свет. Несколько раз открывал и закрывал рот, но так и не находил, что сказать. Вренна наконец удостоила его внимания, оторвав взгляд от телефона. Несколько секунд рассматривала непрошенного гостя.

– Вы правда верите моей матери? – серьезно спросила она, по-другому усаживаясь на кровати. – То есть... неужели в такое в самом деле можно поверить?

– А зачем ей вас обманывать?

– Ну... может, я лъщу себе, – она отложила телефон, – но мне показалось, она просто хочет стать мне «мамой» – вернуть упущенное время, так сказать. Вот и выдумала эту сказку, чтобы забрать меня из Гвоздя.

Алексей вздрогнул, как от холода – она словно читала его мысли.

– Алита и правда очень беспокоится о ваших взаимоотношениях, но...

Он замялся – и слишком надолго.

– А вас она обманывает, чтобы вы меньше волновались о ее прошлом. И не боялись расправы.

– Не надо, я верю ей...

– То, что она говорит, невозможно, – холодно продолжала Вренна. – Даже если правда или ложь не изменит вашу жизнь – некрасиво с ее стороны вам лгать, а?

– Мир изменчив – мы не знаем, что возможно, а что нет, – не очень уверенно откликнулся Алексей.

– Послушайте... всем будет лучше, если вы отвезете меня домой, в Замок, – она выразительно заглянула ему в глаза.

– Нет, – мотнул головой Алексей, думая об Алите. – Всем будет лучше, если вы хотя бы попытаетесь ужиться в этом мире.

– Я не приспособлена к местной жизни.

– Вы совсем молоды – вы приспособитесь, вы можете стать, какой захотите.

Она повела головой.

– Какой захочу? Есть вещи, которых не изменить. Я убийца, – она выставила руки перед собой ладонями вверх и уставилась на них, собираясь продолжить.

– Если вы говорите об этом... *так* говорите... значит, – он всплеснул руками и сорвался: – Слушай, ну твоя мать такая же! Тоже Вентедель, тоже убийца. И нормально живет в

этом мире. Твое прошлое ничего не значит. Это был не твой выбор, не твое решение, и, значит, не твоя вина! И то, что ты переживаешь об этом, делает тебя лучше миллионов людей, которым с малолетства вдавливали в головы понятия морали – и всё без толку!

Глаза Вренны медленно расширились, она фыркнула и отвернулась.

Он потер пальцами лоб. Эта тирада опустошила его, он чувствовал себя нелепо, но нужно было продолжать.

– И... Ну подумайте... с какой стати вы обязаны подчиняться каким-то древним безумным порядкам? Вы...

Вренна тихо засмеялась. Тихо, вкрадчиво и жутко.

– Еще неизвестно, чьи порядки безумней. Ну а что до меня... вы не знаете, на что я способна, – она долго смотрела мимо него, но уточнять не стала. – Переживаю? – подытожила она. – Я переживаю лишь о том, что не вписываюсь в ваш мир. А мать не пускает меня вернуться в мой.

Миссия была близка к провалу.

– Что ж... – он скрестил руки на груди. – Не хочу вас разочаровывать, но прямо сейчас вы прекрасно вписываетесь в образ среднестатистического, обыкновенного подростка: ни с кем не общаетесь и целыми днями сидите в телефоне.

Вренна едва заметно сжалась, опустила глаза и замерла, страстно желая остаться в одиночестве.

– Может быть, вы...

Вренна задрожала.

– Ну пожалуйста, уйдите, хватит! Не лезьте мне в душу, вы меня не знаете! – она закрыла лицо рукой. – Отпустите меня! Я хочу домой, я просто хочу, чтобы всё было как раньше!

– Прости, я не хотел тебя задеть...

– Задеть? – она опустила ладонь. – Да кого вы во мне видите? Вы не понимаете... Убирайтесь!

II

Глаза постепенно привыкали к темноте, и вот уже стали заметны контуры гардероба и пары пуфиков, казавшихся в полумраке спящими зверьми. Гладкий, как лед, ламинат приятно охлаждал босые ступни, и они бесшумно шагали по нему вглубь коридора. Будто чужие, длинные белые пальцы легли на дверную ручку, чей металлический мороз на секунду сковал ладонь, и, надавив, повернули ее.

На деревянной тумбочке в дальнем углу комнаты мягко переливался ночник в форме соловья. Его бледно-золотые лучи бежали по комнате, вороша пушистый багряный ковер и лаская теплую поверхность мебели.

Вренна моргнула и чуть вздрогнула, заметив позади светильника, там, куда не падало его солнечное сияние, бледное лицо. К тумбочке протянулась серая ручка и выключила соловья. По детской разлился густой мрак, и Вренна поняла, что придется подождать, прежде чем глаза снова адаптируются.

– Ну что? Мы можем начинать? – прозвучало в недрах

темноты.

– Если ты не сдрейфишь, – буркнула Вренна, сиюсь что-нибудь разглядеть.

– Я? – насмешливо удивился Вадим. – Ни за что. Говори наконец что за церемония.

– Хорошо.

Она начала различать очертания кроваток и огромные складки на зашторенных окнах. Худой шестилетний мальчик, немного напоминающий саму Вренну, стоял у одного из них. Тело почему-то ныло, как старое – странной болью сводило лопатки и поясницу, и Вренна с удовольствием опустилась в огромное кресло возле закрытой двери.

Она принялась объяснять и внезапно, будто вырванная из реальности, очутилась мыслями на собственном посвящении. Она была даже младше Вадима тогда...

На ней было пышное ало-красное платье в пол с нашитыми цветами, со сверкающей россыпью стеклышек, с огромными рукавами-фонариками, больно трущими нежную кожу рук. Перед ней разноликий зрительный зал, и по щечкам ползет румянец от десятков пар глаз. Раздаются привычные чуть слышные щелчки, и воздух на мгновение вспыхивает белым светом вылетающих птичек. В третьем ряду горит красный огонек включенной камеры, но, кажется, объектив направлен не на нее, а мечется по залу...

Кто-то один, откинувшись в своем бархатном кресле с лакированными подлокотниками из красного дерева, начина-

ет важно ударять ладонью о ладонь, затем другой, и вот весь зал наполняется дождем аплодисментов.

Значит, сейчас всё начнется.

С волнительным напряжением Вренна огляделась по сторонам в ожидании. Маленькие шажки... да, они идут. В тяжелых кулисах цвета перламутра показались силуэты, и синекожие крепыши-кораблисты вывели на сцену ее ровесницу, и Вренна подумала, что это почти что принцесса из сказок, даже, может быть, красивее... но принцесс ведь съедают драконы? За такой девочкой должен явиться Прекрасный Принц, а если он опоздает, ее смерть – его вина.

Из противоположных кулис вышел потрясающего вида мраморно-огненный кораблист с огромной шкатулкой, которую он нес в своих бесчисленных муравьиных руках. Опустивших перед Вренной на сотню коленей, кораблист склонил булавовидные усики, и Вренна дрожащими ручками повернула задвижку на хрупком сундучке, бережно подняла крышку и достала с шелковой подстилки тяжелый, отливающий от времени оранжевым клинок. Она повернулась к принцессе и встретила ее голубое от ужаса лицо и белые от ужаса глаза.

Их разделяло всего несколько шагов, и Вренна спросила так, чтобы слышала только принцесса:

– У тебя есть Прекрасный Принц?

Но девочка молчала, лишь беззвучно перебирая губами по воздуху, и Вренна решила: какая глупая принцесса. И

немедля ударила клинком чуть ниже сердца жертвы, а затем повела лезвием по кругу, встречая по пути тонкие детские ребра и почти без труда распиливая их ритуальным оружием. В воздухе над сценой между тем свистел предсмертный крик, по рукам стекала горячая красная жизнь и сливалась с алыми рукавами-фонариками, которые так больно натирали кожу, а в третьем ряду горела красная лампочка, и зал периодически вспыхивал белым.

Вренна очнулась от воспоминаний, всё еще сжимая рукоятку. Опустила взгляд: тот же изогнутый чуть ржавый клинок... Нет, просто кухонный нож. Трудно сказать.

Вкрадчиво улыбаясь, она протянула оружие братцу.

– Теперь ты всё знаешь. Вперед.

Он принял подарок с достоинством истинного аристократа и, блестя округлившимися глазами, шагнул к манежу. Крепче перехватил клинок, склонился над сестрой...

Воздух дрогнул от сдавленного крика, зажурчала кровь.

Вренна апатично переминала суставы кистей. Темнота рассеялась, и она видела свои тонкие белые пальцы, выгибающиеся и сжимающиеся.

– Посмотри, всё правильно? – позвал Вадим.

Вренна попыталась встать с кресла и вздрогнула, проснувшись в своей кровати в предрассветных сумерках... Сердце билось чуть чаще, чем следует, да внутри живота растекалась неприятная слизь.

Она скинула одеяло и села. С каких пор ей снова снят-

ся осмысленные сны? С каких пор ее волнуют эти громкие, беспокойные дети? И что за гротескное болезненно-цветное воспоминание?

Да, на редкость отвратительный сон.

III

Глядя на тусклую улицу за стеклом, облокотившись на подоконник, Вренна беседовала с симпатичным юношей, черноволосым и большеглазым, подозрительно напоминавшим актера из романтического фильма, который она только посмотрела.

Они говорили об убийствах.

– Разве нельзя сказать, что жестокость в крови у человека? Ведь это первобытное состояние: инстинкты охоты, инстинкты защиты... Каждый человек жаждет убийства. Просто его сдерживают. И даже не законы, а внедренные с детства понятия добра и зла. Так? И люди искренне считают, что это их родная добродетель, присущая лично именно им. Но это заблуждение? Добродетель, жалость, милосердие – это всё извне... это будто имплантаты. Их вращивают в людей, чтобы было легче управлять обществом.

Вренна отвлеклась на прохожего, ведущего на веревке странное мохнатое существо вроде кораблиста. А, точно, это собака, – вспомнила она и вернулась к внутренней беседе.

– То есть, всё дело в воспитании? – продолжила она. – И чтобы вырастить убийцу, достаточно просто не говорить ему, что убивать нехорошо?

– Ну да, именно так.

– В таком случае, если приучать к убийствам...

– ...ничего не изменится. Жестокость – она в крови. Вопрос только в том, ставят человеку блокатор или нет. Априори всем нравится убивать. Это... высшее наслаждение.

– Да нет. Убийство не вызывает никаких эмоций.

– Как оно может не вызывать эмоций? – поразился вымышленный юноша. – Ты только представь: испуганная жертва в твоих руках, ты чувствуешь ее сердцебиение, заламываешь руки, хватаешь за волосы... и раз – ножом по горлу! И кровь хлещет фонтаном, и всё в крови... потрясающе!

– У тебя какие-то романтические представления. В смерти нет ничего завораживающего или интересно. Она просто грязная, просто разрушение тела. И я никогда и не находила в ней ни удовольствия, ничего...

– Но ты должна бы, – укорил ее воображаемый собеседник, но она пожала плечами.

– Никогда меня это не вдохновляло.

– Ты просто брезгливая.

– Да, иногда...

Тем временем в соседней комнате Алита и Алексей смотрели мелодраму. То есть, Алексей сочинял хитрое письмо поставщику, а Алита орудовала на гладильной доске, в то время как мелодрама болталась в телевизоре ненавязчивым фоном. Периодически они поглядывали друг на друга и перекидывались беззлобными язвочками.

На столе негромко завибрировал телефон, и, поставив утюг на безопасную грань, Алита подняла трубку.

– Здравствуй, Джек.

– Привет, – смято отозвался сухой голос. – Я, эм... э...

Как поживаешь?

– Нормально, – ответила она скорее вопросительно: не для того же он звонит, чтоб узнать, как она поживает.

– Ты... – прорвавшийся наружу искренний тяжелый вздох. – Ты не забирала Вренну?

– Забрала, – раздраженно откликнулась Алита.

Телефон громко зашуршал, когда на том конце, не сдержавшись, выдохнули с облегчением.

– Она... в порядке?

– Да, в порядке. Но ты мог бы и получше следить за нею.

– Ой, ладно тебе. Нашлась великая воспитательница, – фыркнул он, возвращаясь к своему привычному закрытому и язвительному состоянию. – А ты могла бы удосужиться и позвонить мне, чтобы я зазря в ее Гвоздь не мотался.

Алита закатила глаза:

– Всё? Ты узнал всё, что хотел?

– Да, благодарю, до связи, – и телефон часто и нервно за-пикал.

Возвращаясь к глажке, Алита пересказала разговор Алексею, и тот хмыкнул:

– Ну, хорошо хоть сейчас позвонил поинтересоваться – спустя месяц!

– Да уж, – поддакнула жена, чувствуя, что всё же немного кривит душой. Брат вызывал в ней резкую антипатию, но при этом она понимала, что под его опекой дочь прожила почти всю сознательную жизнь, он воспитал ее, и глупо сейчас заявлять, якобы она, Алита, может лучше позаботиться о ней. К тому же Джек должен был сильно переживать о Вренне, чтобы решиться на такой звонок, и выходит, он уже не тот бесшабашный, жестокий, вредный и глупый подросток, каким она его помнила – значит, он взрослеет.

IV

Мартовская каплеь сменилась майским солнцепеком, летними грозами и, наконец, августовскими дождями – и всё это время Вренна провела в городе Сплинте с матерью, ее гражданским мужем и двумя непоседливыми детьми. Такое богатство переживаний, открытий, истерик и восторгов было у нее разве что в раннем детстве, когда глаза жадно бегают по камушкам и погремушкам, а руки норовят любую интересную находку засунуть в рот.

Ей было почти впервой спокойное, здоровое общение с людьми, и уж подавно ее совершенно выбивали из колеи дети. Доверчивый взгляд карапуза и испытующий – шестилетнего мальчишки. Что делать с ними, как отвечать на их улыбки? И откуда в них столько притягательности, чем они заслужили ее добрые чувства?

За что ни возьмись – всё в этом городе, в этой квартире было иным. Слышать чужие разговоры по ночам. Видеть из

окна оживленный город. Заглядывать в холодильник и замирать в его прохладном облаке, выбирая странную, неизвестную, но вкусную еду. А еще много ягод! Как же она любит ягоды, как же она радовалась раньше, когда Джек привозил ей их в Гвоздь.

Первые месяцы она панически боялась выходить на улицу. Четыре человека вокруг провоцировали ее на зашкаливающее количество общения. Не говоря уж о том, что иногда, глядя в окно, она ощущала в себе некий снайперский рефлекс: уж больно много там внизу бегало человечков, ну не нужно их там так много. Поэтому идея спуститься вниз и попасть в эту толпу, в эту мешанину бессмысленных передвижений, казалась ей абсурдной и жуткой.

Ближе к лету, когда Алита убедила ее хоть иногда выходить «подышать», она, вопреки предостережениям, которые считала смешными, стала отправляться на прогулки ночью или ранним утром, когда город спит, и улицы в ее распоряжении. И если на пути ей всё же попадались другие полные пешеходы, она страшно злилась на нарушителей своего уединения и спешила как можно скорее разминуться с ними.

Периодически, вспоминая жизнь в Замке, Вренна пыталась сравнить, что же ей больше по душе – свобода, толпа и ягоды или кораблисты, тишина и убийства? Выходило так на так. Здесь одни преимущества, там другие. Хорошо бы совместить, конечно – скажем, ночные улицы, небольшая свита из кораблистов, ее родной Замок с просторной спальней и

библиотеками, анфилада холодильников с любимыми деликатесами, а где-то в отдалении – вот эта квартирка со взрослыми и детьми, к которым можно иногда навестись в гости.

Но объединяться старый и новый образы жизни не желали (да и выбора на практике у Вренны не было) – так что все эти идиллии оставались только в голове.

Среди однозначных минусов жизни в Сплинте, помимо толпы и тесноты, был еще один – по имени Алексей. Он мог бы вызвать в ней и уважение – ну, как избранник матери, как отец семейства – если бы не начинал читать ей наставления и не пытался указывать, что делать. Отдельные перепалки между нею и Ринским вскоре переросли в холодную подпольную войну, которую оба из заботы и предосторожности старались скрывать от Алиты. Незачем ей знать, расстроится. Расстроится – а может и встать на сторону соперника.

Война выражалась в следующем: Алексей пытался равнять Вренну на обычную семнадцатилетнюю девушку, члена семьи, свою приемную дочь, и предписывать ей все полагающиеся атрибуты, включая мытье посуды, заботу о младших братьях-сестрах и даже подготовку к поступлению в институт. Вренна защищалась или атаковала по настроению: игнорировала, намеренно портила работу (например, била посуду или ссорилась с людьми, с которыми Алексей хотел, чтоб она наладила отношения), смеялась над ним. Коронный же ее номер и главное оружие было отвечать ему той же монетой. Выслушав тирады о необходимости быть коммуни-

кабельной, она притворялась, что находится в своем Замке, а он случайно заблудший туда путник, которого она, так и быть, до сих пор не убила. Алексей не понимал, что это – игра или помешательство, и это приводило его в нервное, почти параноидальное состояние.

Иногда тихо варящаяся, крадущаяся вражда всё же вскипала, пенилась и выливалась на плиту мелкими семейными скандалами. Но даже это не разрушало видимости спокойного и естественного сосуществования пятерых человек под одной крышей. Чего нельзя сказать о нутре этой новоявленной семьи. В своих истоках она стояла на нетвердых, пошатывающихся ногах, и рано или поздно должна была распасться обратно на составляющие: Вренну с одной стороны и счастливое семейство – с другой.

И конфликт, давший этому распаду терминальный импульс, случился одним жарким будним днем в начале августа. Алита сидела с дочерью в детской, Алексей был, как обычно, на работе, а Вадим, без пяти минут школьник, уговаривал Вренну пойти с ним на улицу. Сперва он просил мать, но та была занята с девочкой, и он ухватился за последнюю надежду:

– А со мной пойдет Вренна.

– Да ее не вытащишь на улицу, – улыбнулась Алита.

– А если вытащу – можно?

Мать пожала плечами:

– Ну погуляйте, если уговоришь ее.

И мальчик рванул в гостиную, ставшую еще и спальней Вренны, и преданно заглянул сестре с глаза. Ей совершенно не хотелось выходить – более того, она дочитала до такого интересного момента!.. Но в последнее время она всё больше привязывалась к этому сорванцу и теперь просто не смогла ему отказать.

– Разве что ненадолго, – сдавшись, вздохнула она, и хитрец возликовал.

Они отправились на детскую площадку в нескольких кварталах от дома, и Вадим полез на качели, согнав оттуда мальчика помладше, а Вренна уселась на скамейке и вернулась к прерванному чтению. Когда через полчаса она оторвала глаза от книги, брата на игровой площадке не было. Недоумение сменилось ужасом, ужас – апатией... Вренна обошла площадку, подозрительно вглядываясь в лица детей, посмотрела на мамаш, сидевших по кругу на разноцветных лавках, но подойти к ним и заговорить не решилась.

С нарастающей тревогой она облазила дворы и переулки, пристающие к игровой зоне, снова прошла между горок и лесенок на площадке и даже спросила пару женщин – но всё безрезультатно. С ужасом Вренна осознала, что следующий шаг – это сообщить о пропаже матери.

Не прошло и двадцати минут, как на месте была тяжелая артиллерия – Алексей, Алита и Аня в коляске, потому что оставить ее было не с кем. Вренна описала произошедшее, добавив, впрочем, что вполне следила за мальчиком и только

ненадолго отвлеклась. Вчетвером они дважды повторили ее маршрут, расспросили всех, кто был на площадке, дошли до дома и вернулись обратно, но максимум чего они добились – это «Ну да, кажется, я видела такого мальчика тут пару часов назад, но нет – я не знаю, куда он ушел».

Наконец, на третьем обходе, Алексей не выдержал. Он резко остановился и уставился на Вренну:

– Скажи, это вообще имеет смысл?

– Что? – она отшатнулась. – Искать его? Ну, я надеюсь...

– Вадя никогда не уходил без спроса! Никогда! Что ты сделала с моим сыном?!

Хотя в глубине души она и предполагала такое развитие событий, его обвинение кольнуло неожиданно и сильно, отозвавшись почти физической болью. Вренна изумленно смотрела в глаза отчиму, наливаясь обидой и адреналином и чувствуя, как раздуваются ноздри и расширяются зрачки.

– Алек! – запоздало воскликнула Алита – с укоризной и давно уже мокрыми глазами.

– Я не верю в ее историю, я не верю, что он просто исчез!

Аня захныкала в коляске, и Алита, грозно глянув на мужа, принялась успокаивать ее. Вренна продолжала молчать: ничего нового в свое оправдание она сказать не могла.

– Пригрели змею на груди! – разбушевался несчастный отец.

– Да я к вам не напрашивалась! – взорвалась Вренна. – Вы вообще похитили меня! Так что сами во всём виноваты.

– Она призналась, – с ужасом констатировал Алексей.

– Нет! – рявкнула Алита.

Вренна закатила глаза.

Девочка в коляске заходилась удушливым плачем. Алита в смятении переводила взгляд между всеми троими.

– Алек, пожалуйста, иди домой с Аней...

– Я не!..

– Пожалуйста! Ее нужно покормить и успокоить в привычной обстановке, а оставлять тебя с Вренной сейчас я боюсь. Отправляйся с ней домой, а мы продолжим поиски.

Неохотно Алексей согласился. Алита и Вренна двинулись дальше по закоулкам вокруг детской площадки, громко выкрикивая имя мальчика и не глядя друг другу в глаза. Через четверть часа позвонил Алексей со словами «Он дома».

Как выяснилось, Вадим играл в догонялки и убежал довольно далеко от площадки. Когда он вернулся, Вренны там не было – она ушла искать его в соседние переулки. Немного поразмыслив, Вадим пошел домой, но заблудился. Тогда, пережив короткий приступ паники, он вспомнил, чему его учили, и спросил дорогу. «Бедный заблудившийся малыш», – подумали люди и проводили его до самого подъезда. Там он зашел вместе с соседями, безуспешно трезвонил в дверь, а потом час с лишним сидел под нею, рассудительно полагая, что когда-нибудь же родители вернуться.

Этот счастливо завершившийся драматический эпизод тем не менее пробил брешь в отношениях внутри семьи, и

еще много ругани прозвучало в тот вечер. И хотя на следующее утро страсти поутихли, и каждый не понимал, как вчера ему приходили в голову такие слова и мысли, на подкорке эти самые слова остались – и вскоре дали корни. Вренне не место здесь.

– Ах, ну раз домой ты меня не пускаешь – тогда я уеду к Джеку! – воскликнула она в разгар спора в тот вечер, и против ее воли эта идея получила развитие. Будучи в состоянии контролировать свою речь, она ни за что бы не бросила таких слов. Мало того, что он мог быть опасен – она просто из принципа не стала бы признавать свою лояльность к нему. Она заслуженно ненавидит его, вот и всё. Но – сказанного не воротишь, и теперь идея витала в воздухе. Единственное, чего не хватало для ее осуществления, было согласие Джека, но, к удивлению Алиты, получить его оказалось чертовски просто. Стоило ей позвонить ему – и дальнейшее он практически сделал сам. Поменять местами пару реплик – и вышло бы, что это он зовет Вренну, а не она, Алита, предлагает ее забрать.

Перед отъездом Вренны Алита решила, что дочери было бы неплохо самой поговорить с Джеком по телефону, прежде чем встречаться вживую, но то, что вышло из этой идеи, разговором назвать было трудно.

– М... Алло?

– Да.

Вренна держала трубку у уха в скептическом ожидании.

Минуту или больше.

– Твоя мать говорит, ты до сих пор не веришь, что в Замках нынче опасно? – наконец нашелся Джек.

– Ну не верю.

– Ну зря. Всё это правильно. Кораблисты бунтуют. Бунт на корабле.

И снова долгое молчание.

– Ты здесь? – осторожно позвал Джек через полминуты.

– Да, Джек. Я поняла, – она помолчала. Горько улыбнулась, прижимаясь к трубке щекой: – А ты всегда говорил, проклятье не разрушить.

– Я просто не пробовал, – отозвался он со странным смехом в голосе. – Ты всегда так отвечала.

И снова тишина. Им обоим, наверно, хотелось узнать, что происходит в жизни другого, но они слишком плохо расстались в последний раз, они слишком плохо обращались друг с другом последние годы – так что невозможно было теперь начать запросто по-дружески болтать.

– Ладно, всё, давай, – неловко попрощалась Вренна и передала трубку обратно Алите.

Билеты на самолет были взяты, и дни до отлета таяли, а вместе с ними и терпимость – все были на нервах. В конце концов Вренна сорвалась и заявила матери:

– Знаю я, почему ты меня отсылаешь! Ты просто не доверяешь мне, боишься, что я вас сдам. А так – отправишь меня к Джеку – или просто куда подальше – а сама сгребешь

свою любимую человеческую семейку и уедешь незнамо куда, чтоб никто не нашел, да?

– Вренна!

– А что?

И больше они не перемолвились ни словом, и последний день в Сплинте Вренна провела так же тоскливо и нелюдимо, как первые.

Чёрный удильщик | 2

I

Протяжно, гулко взвыли двигатели самолета, и он замер, как кошка перед прыжком – наготове в любую секунду сорваться с места.

Вренна устало прислонилась лбом к приятно холодному стеклу иллюминатора. Покосилась наружу – там бесшумно резвился ночной ветер: заигрывал с потрепанными сонными деревьями, но они только привычно качали листвой, а с неба ажурной россыпью улыбались летние звезды.

Было мягко и тепло в кресле, и стекло так нежно, сладко холодило голову...

Ночной рейс до города со странным названием Картр – и она поселится у Джека, и всё станет по-прежнему... насколько это возможно. Днем она не позволяла себе особых фантазий по поводу предстоящей встречи, но сейчас было пять утра, и она практически засыпала, и мысли бесконтрольно роились и трансформировались в мозгу. Ей представилось,

как самолет садится на вертолетную площадку на крыше замка, как она выходит из него в ночную синеву и спускается по лестнице в мрачные уютные покои, точь-в-точь как в ее родном Гвозде. Обойдя залы, она берет на руки пушистого кораблиста из своего детства, тискает его, а паре других говорит принести арфу – и тут же сама оказывается в комнате с нею. Незапылившиеся струны, свет, бьющий сквозь них... она села за арфу и начала играть, а рядом возник странно и мелодично поющий Джек. Это было настолько абсурдно и дико, что Вренна очнулась. Ни разу в жизни она не слышала, чтобы Джек пел. Да и не в Замок вовсе она летит...

Двухчасовой перелет дался ей довольно тяжело. Кроме головной боли от сбившегося режима и неприязни к соседу справа, ее донимали перепады высоты и жутковатое осознание того, как далеко в случае чего падать.

Наконец самолет пошел на посадку, и Вренна облегченно вздохнула. Но, как выяснилось, радоваться было рано. Первым, что встретило ее в Картре, была тягучая шумная раздраженная очередь. Не самый радушный прием, а уж для такого социофоба как она и вовсе адский. Чуть меньше часа ушло у нее на преодоление всех положенных по прилете испытаний, и вот – она стоит с небольшим чемоданом в зоне встречающих и отчаянно, едва не плача от усталости, сканирует взглядом толпу.

Бесконечные люди напоминали огромного мохнатого тарантула со множеством рук и мутных глаз. Необъятный паук

заполнял всё пространство аэропорта, охватывал Вренну со всех сторон, отовсюду глазел и вил, вил свою невидимую паутину мыслей... И задача состояла в том, чтобы найти, углядеть в объёмах этого многоликого чудища живое, озлобленное, острое существо – его, Джека.

Глаза, глаза, глаза... Носы, челки, шляпы, снова глаза – под толстыми серыми веками, в красных сеточках крови, похожие на черные спинки жуков, в которых не отделишь радужку от зрачка... Страшно подумать, а ведь им твои – такие же, Вренна – чужие, невыспавшиеся, с лиловыми кругами. Не зеркало души, не черта лица, даже не орган зрения, наверное, а просто серые пятна. Серые – не жемчужные, Вренна, как красиво обозвал их твой поклонник – серые. Значит, никакие.

Глаза, глаза – и наконец вот он, вот этот леденистый блеск, эта холодная отчужденность.

– Привет.

Он был видным, привлекательным мужчиной. Двадцать пять лет, высокий, с крупными аристократическими чертами лица, угольными бровями и пронзительно-синими глазами. Но все эти достоинства становились незаметными, стоило Джеку с усталостью и презрением закатить глаза или криво усмехнуться правой половиной лица.

«Джек» было его псевдонимом, выбранным еще в детстве – в честь Джека-Потрошителя. Настоящее имя – Дриммор Вентедель – по неизвестным причинам его жутко нерви-

ровало, и он категорически отказывался на него отзывать.

Вренна пыталась осознать свои чувства по поводу этой встречи, ухватиться за какую-то мысль, но всё, чего она сейчас хотела и о чём могла думать – было спать. Ей оставалось только отдаться на самотек происходящего, смириться с исходящим от Джека риском и надеяться, что он без фокусов доставит ее в какую-нибудь приличную постель.

Оценив ее состояние, Джек сдержал все подготовленные остроты, безапелляционно забрал у Вренны чемодан, взял ее под руку и повел к своему серо-синему форду.

Встреча, которой Вренна в глубине души так жаждала, ждала и так боялась, обернулась скомканным приветствием среди толпы, бытовым прикосновением и какой-то банальной интеллигентностью. Ее укусило разочарование, но сил переживать у нее не было, и стоило автомобилю тронуться с места, как она провалилась в сон.

Припарковавшись возле дома, Джек не спешил ее будить – несколько минут он задумчиво рассматривал девушку, пытаясь понять, что в ней изменилось. Она перестала расти еще лет в тринадцать, достигнув вполне естественных женских пропорций, но лицо всегда выдавало ее незрелость. Откинувшись в водительском кресле, Джек изучал ее странно-тонкие черты и никак не мог уловить, почему теперь она кажется ему почти взрослой.

Он одернул себя от созерцания и потормошил Вренну.

«Удивительно, – думал Джек, пока они ехали в лифте, –

как вовремя Алита сослала ее ко мне. Прямо мистика какая-то». Через неделю или две он и сам собирался навязать сестре эту мысль.

Оставался вопрос, как заставить или уговорить Вренну присоединиться к нему в его планах и какую правду ей рассказывать. Впрочем, она может отказаться помогать ему независимо от «правды», просто из принципа... не говоря уж о том, что она может вынашивать собственные замыслы, и зря он радуется ее прибытию.

—

После суток без сна Вренна проспала восемнадцать часов, а проснувшись, не сразу поняла, где находится. Неуверенно бродя по двухэтажной квартире, она в какой-то момент наткнулась на Джека — он сидел на белом диване с ноутбуком на коленях — и мозаика сложилась. Джек обернулся к ней, и она подумала — вот! вот этот момент, когда мы должны всё сказать друг другу в лицо! всё должно выразиться, всё и сейчас!..

Но они молчали, спокойно глядя друг на друга. И все выдуманные заранее фразы, крики, издевки казались нелепыми и театральными. Что нового они скажут друг другу? Всё ведь и так ясно.

Еще вчера ей казалось, что встреча будет чем-то невыносимым, космическим по накалу страстей — но вот, пожалуйста. Они уже минуту смотрят друг на друга, и никто не хочет первым высказаться по поводу покушения.

И кажется, с каждой проходящей секундой всё отчетливей выжигается на них клеймо неупоминания. Промолчал сейчас – так молчи же вовек. И тишина оттого становилась удушливой, будто наполняясь запахом паленой кожи. Ее нужно было нарушить, и Джек спросил:

– Как спалось?

Вренна чуть улыбнулась, кивая:

– Прекрасно. – Нужно было снять и клеймо, пока не прикипело, и она прищурилась: – Как здоровье?

Джек медленно натянул усмешку:

– Лучше, чем ты планировала.

Вренна ненадолго закрыла глаза и наклонила голову, пряча улыбку.

– Пойдем завтракать, – после паузы решил Джек.

II

Итак, Картр. Второй человеческий город, в котором я остановилась. Который я вижу в своей жизни, если честно.

Станным образом он и похож, и не похож на Сплинт. В несколько раз меньше и на порядок прохладней, с узкими улочками, беспорядочно усыпанными разномастными домами, с сияющей ночной иллюминацией, с десятком ненадежных мостов, спроектированных студентами-архитекторами. Если Сплинт напоминал крепкого восьмипалого кораблиста, устойчиво стоящего на каменных ногах, то Картр – это подобие глубоководной рыбы с ее флуоресцентным огоньком, свисающим перед глазами.

Но ни чёрный удильщик, ни каменный осьминог не сравнятся с моим родным Гвоздем, как паровоз не сравнится с летучей мышью. Они – оживленные людские города, Гвоздь – Замок кораблистов. И рядом с ним любые человеческие поселения становятся похожи друг на друга.

–

Джек жил недалеко от центра Картра, возле берега местной реки, в просторной, но захламленной квартире. Через несколько дней после приезда, когда я немного освоилась, мое внимание стали притягивать запылившиеся коробки, разные нагромождения из книг, мебели и антиквариата. Похоже, Джек перевез сюда всё, что смог, из своего Замка, но так толком ничего и не разобрал. Если немного покопаться, с улыбкой думала я, можно узнать какую-нибудь страшную тайну.

Джек появлялся дома нечасто, и я проводила по несколько часов в день, изучая эти завалы. И чего только мне там не попадалось – от эротических брошюр до инкунабул XV века в их источенных временем роскошных обложках. Здесь были свежие и пожелтевшие журналы, компьютерные распечатки и даже тетради, исписанные знакомыми гигантскими каракулями.

Всё это толкало на размышления.

Раньше я и не замечала, в какой информационной изоляции держал меня Джек, пока я жила в Гвозде. Там было четыре комнаты, отведенные только под библиотеку, и каждый

раз, заезжая, Джек чем-нибудь да пополнял ее. Но только теперь я понимаю, насколько эта щедрость была иллюзорной. Думаю, он тщательно подбирал книги, которые должны были способствовать «правильному» развитию моего сознания. А именно: энциклопедии и научно-популярные книги, философские сочинения, небольшая выборка книг ужасов (те, в которых жертва не вызывает сочувствия), немного классики (вроде Шекспира, Байрона, Гюго), эротика с различными подробностями любовных актов и всяческая современная психоделика. Ну и, разумеется, произведения моих родственников, авторов-Венте-делей.

В итоге, при неплохом знании биологии или, скажем, физической географии, я не имею ни малейшего представления о мире за пределами Гвоздя. Я ни разу не покидала Замок с тех самых пор как прошла Инициацию – и до того безумного момента, когда явилась матушка и заявила, что нужно бежать.

Довольно обидно, учитывая, что Джек при этом заезжал в свой Замок едва ли дважды за год, а всё остальное время пропадал где вздумается. Я возмущалась по этому поводу сколько себя помню, но он только презрительно усмехался и заявлял, что мне – нельзя. Впрочем, двери были открыты, и, даже находясь в Гвозде, Джек не очень-то следил за мной, а чаще я была там в одиночестве... и всё же – даже не пыталась сбежать. Хотя хотела. Наверное. Видимо, меня не пускали какие-то чисто вентеделевские предрассудки. Удивительно,

что хоть какие-то из них мне в итоге удалось переступить.

Но теперь это уже неважно. Мне предоставлены необъятные просторы интернета, и я могу найти ответ на любой, даже незадаанный, вопрос. Этим я и занимаю свое время, когда не роюсь в старых книгах, не учусь готовить салаты или не играю в компьютер. Плюс, я скачала программу для создания музыки с помощью обычной клавиатуры и пытаюсь ее освоить.

Застав меня как-то вечером за популярным шутером, Джек усмехнулся и вздохнул:

– Похоже, все мои усилия по воспитанию нечеловеческой девушки пошли коту под хвост: ты ведешь себя, как любая другая семнадцатилетняя девчонка.

– Не переживай, папочка, – ответила я, – без твоих стараний я бы стала обычной на три года раньше.

– Лишние три года «необычности»? Что ж, ты можешь сказать мне спасибо.

Я фыркнула.

– С каких это пор быть обычным плохо?

– О, так ты еще не в теме? Детка, здесь каждый хочет быть не как все. Постарайся выделиться и тогда точно сможешь затесаться в толпе, – он прищурился. – Ты ведь этого хочешь? Научиться жить в этом мире?

Я отвела глаза и пожала плечами:

– Наверно.

Большинство наших разговоров сводилось к обмену кол-

костями, и обычно никто не обижался – мы привыкли так жить, а можно даже сказать, он меня приучил. Впрочем, иногда задиристость выходила за пределы слов, и кто-нибудь начинал портить другому жизнь. Так, как-то промозглым вечером я отправилась вместе с ним на его свидание с барышней по имени Юля. Села в машину и упрямо отказывалась выходить – пусть не думает, что может свободно ходить налево и даже не скрывать от меня этого, законный супруг называется.

Мы приехали в роскошный ресторан, где за столиком его уже ждала молоденькая блондинка – такая хорошенькая, что я даже оценила его вкус в женщинах. А потом мне стало интересно, чем заканчиваются у него такие истории – он просто бросает девиц, утолившись, или вспоминает вентеделевское прошлое? И я взглянула на девушку с некоторой жалостью.

Обозленный, Джек объяснил ей, что я его истеричная неадекватная племянница, которая увязалась сегодня с ним. Юля отнеслась к новости удивительно благодушно.

Мы сделали заказ, его долго готовили и наконец принесли, и я мысленно ужасалась схожести происходящего с трапезами в Замке. Пара штрихов – и официант теряет человеческие очертания, а свинина их приобретает.

Но эти мысли я держала при себе, а сама тем временем третировала Джека всяческими двусмысленными замечаниями, жаловалась на него Юле и, в общем, развлекалась, как могла. Но это действительно было довольно истеричное со-

стояние, и мои душевные силы быстро иссякали от такого надрывного веселья.

А Джек медленно зеленел от злости. В конце концов, его терпение иссякло чуть раньше, чем мой запал.

– Так, довольно! Вера, – он испепелил меня взглядом, не забыв, впрочем, использовать «человеческое», конспирационное имя вместо настоящего. – Пять тысяч крон – и ты останешься от меня. Хорошо?

Я поджала губы.

– Десять.

– Пять, или тебя так прельщает мое общество?! – он стукнул ладонью по столу. – Черт тебя подери, ладно! Вот! – он выцарапал банкноты из бумажника и швырнул мне. – Завтра отдам остальное, только исчезни!

Меня словно окунули в помой, но я заставила себя взять деньги и с победоносным видом удалиться. Удалилась я недалеко – за столик в другом углу ресторана. И там заказала текилу. С непривычки алкоголь прямо-таки разъедал слизистую оболочку, но я твердо решила не давать слабину.

■

Джек устало откинулся на обитую бархатом, мягкую спинку стула и выдохнул. Остро хотелось курить, но в этом ресторане курящих залов не было.

Юля испепеляющее сверлила его взглядом.

– Ну что?! – раздраженно буркнул он.

– Как ты можешь с ней так обращаться? – взорвалась

она. – Она же твоя племянница! И сейчас она на твоём попечении!

– Кто просил её увязываться со мной? И нести весь этот бред?

– У неё переходный возраст, нужно быть терпимей.

– Ой, да что ты, Юля! «Переходный возраст», – передразнил он. – Просто она стерва.

Юля укоризненно покачала головой.

– И поэтому ты сажаешь её под домашний арест и?..

– Ага, верь ей больше. Я никогда не мешал ей уходить – а здесь уж подавно.

– Но, Джек!..

– Хватит, – холодно отрезал он, заметив, что к ним подходит официант.

На скатерть легко опустился десерт для девушки, и она, напоследок стрельнув огненным взглядом в Джека, принялась за него.

Джек без аппетита поковырял остывающий стейк, глотнул вина и, пообещав «сейчас вернуться», выскользнул на улицу. Черное небо впитывало бледное свечение множества фонарей, и только на горизонте расплывалась тонкая полоска синевы. Где-то вдалеке готовилась гроза, и в воздухе висела тяжелая электрическая завеса.

Джек вытащил из кармана пиджака пачку сигарет, достал оттуда одну, зажег и с наслаждением затянулся. Дым взвился от пульсирующего уголька к небесам и затерялся в ночи.

Боль в висках растворялась, будто под нежной рукой целителя.

Он швырнул окурок в мусорку и возвратился в душный ресторан. И как не выходил – его сразу охватило жгучее раздражение от вида всех этих людишек, от вида Юли, которая не преминет сейчас снова сделать ему какое-нибудь замечание, а то и вовсе возобновить ту отвратительную лекцию. Он уселся напротив нее, стараясь выглядеть максимально спокойным и безучастным.

Но план не сработал: Юля обратилась к нему. И то, что она сказала, оказалось хуже, чем он только мог предположить:

– Она здесь, – прошептала Юля, наклоняясь к нему.

– Что? – Джек недоуменно нахмурился.

– Вот она, – Юля кивнула в сторону, смущенно краснея.

Джек взгляделся и заметил Вренну за одним из столиков – она не смотрела в их сторону и что-то пила в одиночестве.

– Идем отсюда, – попросил он, невольно переходя на шепот.

– Да что ж ты так?.. – тоже вполголоса воскликнула Юля. – Чем она тебе мешает?

Он пробурчал что-то невразумительное и отвернулся. Отсюда надо было уходить – хоть с Юлей, хоть одному.

Он взял бокал, поводит им немного в воздухе, гипнотизируя вино, и отхлебнул. И уже почти раскрыл рот, чтобы окончательно поставить ультиматум, но в край стола внезапно вцепились знакомые бледные пальцы, и он с ужасом и

изумлением поймал ее пьяный взгляд.

– Джек, вот этот вот, – Вренна ткнула пальцем в подошедшего вместе с ней официанта, – не хочет мне больше наливать. Скажи ему!

Джек с трудом поймал расплывшиеся по голове мысли и заставил их собраться в комок, а сам приложил все силы, чтобы придать лицу равнодушное выражение. Впрочем, довольно безуспешно.

– Ну, во-первых, – размеренно начал он, – Вы вообще не должны были продавать ей алкоголь: она несовершеннолетняя...

– Эй! – возмущенно воскликнула Вренна, но он не обратил внимания.

– А во-вторых, – тут напущенное спокойствие отчасти изменило ему, – Вренна, как тебе удалось напиться до такого состояния за такое короткое время?!

Она расхохоталась, и пьяный смех звучал развратно и вульгарно.

– Какой ужас... – прошептала Юля.

Джек холодно рассмеялся.

– Ну, что же Вре... Вера, поздравляю: сегодня ты сможешь увидеть этот город таким, каким его видит большая часть населения. А вот ко мне этой ночью можешь не приходиться – не хватало только отчищать отовсюду твою блевотину.

– Джек! – возмущенно вскрикнула Юля, он обернулся – и она уставилась на него с ужасом и отвращением. Он равно-

душно глядел ей в глаза. – Джек... – прошептала она, болезненно разочарованная. – Да что ты за человек, Джек?! Знаешь, что – не звони мне!

Она резко встала из-за стола, распотрошила клатч, чтобы бросить на скатерть несколько крупных купюр, и быстро скрылась во входных дверях ресторана.

Вренна всё так же стояла, держась за столешницу, и растерянно, с непониманием наблюдала всю сцену.

– Ну что ты ждешь? – негромко рявкнул на нее Джек. – Иди, познавай окружающий мир, – он махнул на дверь.

Вренна мутно смотрела ему в рот, явно не соображая, о чем он говорит.

– Ну же, выведите ее, – бросил он официанту. – Зачем вам тут нестабильные элементы?

– Э... Она не заплатила, – растерянно пробормотал он, неумело пытаясь скрыть враждебность.

– Я заплачу за нее. Выведите.

Официант нахмурился, и в какой-то момент Джеку даже показалось, что он заспорит, но смелости не хватило, и, придерживая Вренну за плечи, мальчишка повел ее к выходу.

Джек откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Снова хотелось курить. Где-то в глубине сидело лживое, наверное, ощущение, что все вокруг украдкой поглядывают на него с безучастным презрением и быстро отворачиваются, как от опухшего нищего.

Не прошло и пяти минут, как он поднялся из-за стола,

расплатился у барной стойки и вышел на улицу.

Машина припаркована всего паре метров. Он остановился возле нее на секунду, но прошел мимо и свернул за ближайший переулок. Мерцал тускло-синий фонарь, да окна бросали грязно-апельсиновые пятна света. И – о да! – в этом свете нашлась она. Сидела на голом асфальте, прислонившись спиной к холодной стене, с лицом, запрокинутым к черному небу...

Джек опустил на корточки возле бесчувственного тела и долго изучал ее взглядом. Наконец он осторожно просунул одну руку под колени, обхватил другой хрупкую спину и, подняв Вренну на руки, быстро двинулся к автомобилю.

III

Проснувшись я с ужасным похмельем, и первое, что сказал Джек, увидев, что я пришла в чувство, было: «зря я не приучал тебя к алкоголю, моё упущение». Я хотела съязвить что-нибудь в ответ, но головная боль требовала тишины. Внимательно осмотрев меня, он поменял влажную тряпочку на лбу, дал аспирин и посоветовал дальше спать.

Когда я очнулась в следующий раз, был уже вечер. Голова болела, но гораздо слабее, да и всё остальное тело слушалось на порядок лучше. Сквозь стену доносилось утробное звучание телевизора. Осторожно поднявшись на ноги, я пошла на звуки.

Джек обернулся, заслышав меня, и на мгновение по его лицу пробежала улыбка, но она быстро скрылась, и лицо

приобрело естественный серый цвет.

– Что, отпускает? – насмешливо осведомился он.

Я неопределенно пожала плечами, подошла к окну, сделала тише телевизор, села на диван справа от Джека.

– Ты мне должен пять тысяч, не забудь.

– А, так вот во имя чего было это жертвоприношение, – рассмеялся он, вальяжно закидывая руку мне через плечо.

Я покосилась на него, вынырнула из-под его руки, отодвинулась немного и откинулась на спинку дивана.

– Мне извиняться, что спугнула пташку, с которой ты мне изменял? – сухо уточнила я.

– О, ну, можешь извиниться, я послушаю, – он едва не облизнулся в притворном предвкушении.

– Скажи, что у тебя были к ней чувства, и я извинюсь, – я коварно улыбнулась.

Он фыркнул.

Я постаралась никак не выдать своего облегчения. И правда, что за глупость была подумать, будто Джек любит эту девицу? Хотя бы питает сердечные чувства... Слабее любви, но больше, чем секс... Нет, конечно нет. Ну и слава богу. Совершенно не хотелось бы быть виноватой в его разбитом сердце.

–

Следующим утром, когда я проснулась, Джека в квартире уже не было, зато на кофейном столике возле моей кровати лежали обещанные пять тысяч. Я довольно улыбнулась, ски-

нула одеяло и села, поджав под себя ноги. Голова уже почти что не болела.

Холодильник у Джека был всегда полупустым, он редко ел дома – всё рестораны, какие-то вечеринки. В морозилке обитали пельмени и нагетсы, которые он научил меня готовить, но мне не хотелось мяса, оно ничем не отличалось... Пельменями и нагетсами меня пичкали и кораблисты. И еще много чем, чего здесь в избытке – котлеты, отбивные, колбаса, ну и всё такое.

В общем, пробежавшись пару раз по прохладным полкам взглядом, я решила: раз уж у меня появились деньги – почему бы не отправиться за покупками?

Возможно, это было не лучшей идеей...

Мало того, что я полчаса блуждала в поисках магазина под пронизывающим ветром, предвещающим осень, так еще и старуха ко мне привязалась, когда я изучала стеллаж со всякими йогуртами – мол, мешаю ей пройти или что-то такое. Наверное, это нормально. Наверное, людей нужно терпеть. Но, боги, как же это дико!.. Я несколько раз пыталась скрыться, но это только выводило ее, так что в итоге меня заставили выслушать лекцию о зверской бескультурности молодежи – и затем я до вечера не могла отделаться от унижительных воспоминаний и бурлящего гнева.

Зачем – зачем людям эта сторбленная маразматичка? Я хочу не ненавидеть ее, но она и правда уже не живет. Я правда хочу быть гуманной. И не потому что я теперь жи-

ву среди людей – я давно думаю, что мы несем зло. Что человеческая жизнь, очевидно, ценна. Мне – моя, ему – его. Я не лучше его. Очевидно.

Но только и растению дороги его цветы и плоды, а мы их безжалостно срываем. А зверь дорожит своей шкурой или рыба – чешуей ничуть не меньше, чем человек – скальпом, и человек это знает – и что же? Охота и рыбалка процветают.

Я знаю, что те, кого я убила, жаждали жизни, к чему-то стремились, любили кого, и кто-то, должно быть, любил их. Знаю, что то, что я сделала – ужасно. Но знания – это в голове. А дальше не проникает.

Я знаю, что не должна думать, что эта пожилая женщина, у которой, наверно, есть дети и внуки, у которой была, вероятно, яркая жизнь и чистая любовь, что она – ходячий труп, досаждающий окружающим. Да, не должна, нехорошо так думать. Но, закрывая глаза, я вижу, как парочка моих фаворитов рассекают ее дряблое тело и растворяют останки в кислоте.

—

После расставания с блондинкой Джек, похоже, действительно, не унывал – не прошло и пары дней, как он снова перестал ночевать дома, и я уже не удивлялась, когда в восемь-десять вечера он уходил, чтобы вернуться во второй половине следующего дня. Но когда первой ночью осени он явился в три утра, вырвав меня из сладких объятий сна своими нервными звонками в дверь – я не просто удивилась –

мне снова захотелось его убить.

Кое-как проснувшись, я открыла ему дверь, но Джек, ничего не замечая, продолжал вдавливать кнопку, порождая невыносимое дребезжание звонка.

– Э... – позвала я его, но он не реагировал. – Джек! – я подошла и настойчиво стукнула его кулаком в плечо. И едва увернулась от полетевшего в лицо ответного удара. – Эй, ты что?! – возмущенно воскликнула я, отходя на пару шагов подальше.

Джек молча сверлил меня пустым взглядом.

– А-а... – протянула я, вглядевшись в его глаза – зрачки были двумя безжизненными черными точками на фоне голубой радужки. Это мы уже проходили...

– Иди сюда, – заперев дверь, я устало махнула рукой в сторону кухни и мягко повела его туда.

Усадила его за кухонный стол, опустила перед ним блюдо с конфетами и печеньем и поставила кипятиться чайник.

Джек и раньше неоднократно отчаливал при мне в мир грез, но заботиться или приглядывать за ним мне не приходилось. Так что я понятия не имею, грамотно ли веду себя, но кажется, сладости работают: он по крайней мере не буянит. Просто сидит выпрямленный, будто плечи сковало льдом, и с холодком ужаса всматривается в пустоту.

Внезапно, будто покинув глубины его подсознания, в реальность вырвался невидимый шаловливый дух. Он подкрался ко мне сзади, резко обнял, и меня овеяло щемящей

нежностью, а где-то под сердцем затрепыхалось желание податься вперед, прижаться к Джеку и прогнать к чертовой матери всю ту ересь, которая, должно быть, видится ему.

Но это был секундный бред.

Он прошел, и я привычным движением закинула пакетики заварки в чашки и залила их кипятком.

– Ты же не надеешься, что я буду это пить?– неожиданно спросил Джек, когда чай немного остыл.

Я покосилась на него, удивляясь: неужели уже приходит в себя?

– Ах, ну да, ты же параноик, – хмыкнула я. – Конечно, я отравила всю систему канализации, чтобы на твоих глазах набрать в чайник воду из-под крана, вскипятить...

– Ладно-ладно! Но сначала хлебнешь из обеих чашек.

Я закатила глаза, но спорить не стала.

Мы пили чай, к Джеку довольно быстро возвращалось сознание, и вдруг, подобно пощечине, в моей голове возникла мерзкая мысль: а ведь это я виновата! Ведь он так накидался сейчас из-за той девицы, и ночами отсутствовал он не с какой-нибудь приличной красавицей, а непонятно где – и всё это я с моей глупой вредностью-ревностью.

– Джек... – пробормотала я, набираясь храбрости. – Ты это из-за нее, да?

– Что? – он посмотрел на меня с недоумением, голодно поглощая печенье.

– Ну, та девушка, Юлия. Ты... Прости, в общем, – меня

будто вывернули наизнанку, и зачем я начала всё это, черт!

Джек смотрел непонимающе, затем насмешливо и, наконец, с откровенной издевкой. И в придачу к этому он сардонически захохотал.

– О, Вренна, ты подумала, я горюю по ней, подумала – что? У меня разбито сердце? Боже, как это мило. Ну, Вренна, это же ты у нас мастер по любовным страданиям, я-то что, куда мне!

– Заткнись.

Он продолжал сыпать остротами. Я попыталась ударить его по голове, но он с хохотом увернулся, и я ушла, мысленно проклиная его и жалея, что не отравила чертов чай, как он боялся.

–

День ото дня Джек становился всё странней. История первосентябрьской ночи больше не повторялась, но вместо этого Джек повадился заводить со мною мутные, глубокомысленные беседы об изменяющемся мире и нашей собственной роли в этих изменениях.

– Алита говорила, ты отказывалась уезжать из Гвоздя, – рассуждал он, перейдя на частности. – Почему? Расскажи, как всё это было?

Я покосилась на него с подозрением – с каких пор его интересуют разговоры по душам?

– Ну, я не поверила сначала, – я пожала плечами. – Как так? Как это – «Равновесие нарушено, и мы потеряли всю на-

шу власть»? Что за... злобный розыгрыш? – я усмехнулась. – Я ведь вообще... представления не имела, как тут жить. Ну, ты понимаешь. Самой, среди людей...

– Но разве не этого ты хотела? Разве ты не мечтала о свободе?

– Ну как... Мечты мечтами, а реальность... Ты приучил меня к мысли, что это невозможно, так что я и не надеялась. Так, воображала иногда, но фантазии были настолько далеки от того, что здесь действительно происходит.

– То есть, ты разочарована?

– Ну. Пожалуй, можно так сказать.

Он опустил голову.

– И ты жалеешь? – он испытующе посмотрел на меня. – Хотела бы всё вернуть – чтобы стало как раньше?

Я вскинула брови, потом склонила голову, задумавшись.

– А черт его знает. Теперь меня уже в Замок не загонишь, – я одарила его «благодарным» взглядом. – Если бы всё вернулось, я всё равно не была бы прежней, я болталась бы, где хочу, как ты, Джек.

Он молчал.

– А ты сам как считаешь? Стало лучше?

– Ну как тебе сказать, Вренна... Лучше, хуже... Это ведь еще совсем не конец, – он сверкнул глазами.

– В смысле? – я нахмурилась.

Он скривил губы.

– А ты думаешь, всё так легко решится? Смотри шире.

Сама говоришь: система сломана, равновесие нарушено. Если тарелку потихоньку сдвигать к краю стола, то в какой-то момент она с него сорвется. Сорвется и разобьется о кафель.

– Что?..

– Год назад наша тарелка сорвалась. Сама подумай, что будет дальше, – он внимательно заглянул мне в глаза. – Ты ведь понимаешь, о чём я.

Я фыркнула.

– Мы первые, на кого обрушится их гнев.

– Джек, ты бы себя слышал. Что за бред?

Он издал нервный смешок.

– Ладно, а вот другая сторона этого бреда. Кто-нибудь поймает тарелку и поставит обратно на стол. Да еще и приклеит.

– Я запуталась в твоих метафорах.

– Смотри. На кораблистах работали огромные предприятия, они делали треть мировой продукции всего. В том числе почти всю электронику, оружие, технику, стройматериалы. Без их повиновения будет просто немыслимый кризис. Но прежде – они поднимутся против людей. Они уже сейчас гораздо более агрессивные и кровожадные, а скоро они окончательно вырвутся и ареалов и... и будет война.

Я сложила руки на груди, закрываясь, а он с жаром продолжал.

– Если пустить дело на самотек, всё так и будет. Поэтому, скорее всего, нас заставят вернуться и как-то... всё испра-

вить.

Зачем он рассказывает мне всё это? Я не хочу этого знать, я здесь ни при чём.

– Мы должны будем либо вернуться в Замки и блюсти Договор – либо как-то победить в войне с существами, которые в отличие от нас умеют делать оружие, которые...

– Джек, ну прекрасно! – взорвалась я. – Что мне теперь – пойти повеситься? Мы всё равно ничего не можем сделать, мы!.. – я развела руками. – Как-то оно всё решится, и... что будет, то будет.

Он наконец замолчал и странно смотрел на меня.

– Что? – не выдержала я.

– Как ты относишься к поездам?

– Что? – опешила я.

– Нам, возможно, нужно будет съездить в Штаман-Рейн – если мне удастся убедить кое-кого... Но ты не волнуйся, это недалеко – всего ночь на поезде.

– При чём это здесь?

– Ни при чём. Ты же хотела, чтобы я закрыл тему – я и закрыл.

Я никак не могла прекратить изумленно глазеть на него. Абсурдность выбивала почву из-под ног.

– Всегда бы так, – наконец пробормотала я. – А... что мы там забыли?

– Ну, скажем так, у меня там дела, и... мне может понадобиться твоя помощь.

– Помощь?

– Ладно, вот, – он поднялся с места и расправил плечи, будто только что справился с трудной задачей. – Я там тебе на месте всё объясню, а пока просто...

– Эй, я не соглашалась!..

Он развязно потрепал меня по голове, как питомца, я озверела – и он поспешил ретироваться на улицу. А я осталась сидеть в недоумении в пустой квартире. Нет, ну что за отношение? Когда? Зачем? Ну, правильно, к чему мне что-либо рассказывать.

Сказочник | 3

Маленькая серая фигурка замерла перед тяжелой чугунной дверью, нависающей над нею будто мистический голем. Ручка двери почернела от прикосновений – как и разъеденные дождями набалдашники на перилах.

Войти?

С одной стороны, ей не пристало бояться зловещего вида коренастых домишек.

С другой – что она там забыла? Джек ее с собой не звал, и, должно быть, нет ничего странного или страшного, что он до сих пор оттуда не вышел. Как знать – может, он до ночи собирается там сидеть?

Но ведь она поехала за ним. Поехала, потому что ее изводит неизвестность, потому что она хочет знать, что он за-

мышляет, и к тому же... хочет, чтобы он завязал с наркотиками.

Она еще раз огляделась по сторонам. Полузаброшенный район, склизкие, как кишки, переулки – там жалобно скулит собака, здесь протяжно и тоскливо подвывает нищий... Здания раскинуты словно игральные кости – где упало, там и лежит. Многие затянуты подранной серо-зеленой паутиной реставрации, но сама реставрация для них, наверно, уже не наступит никогда. Станный город Картр: здесь – роскошь и веселье, а через квартал – нищета и беззаконье. В кино людские города устроены иначе, да и Сплинт был несравнимо другим.

Небо скрывается за мокрыми, грязно-желтыми тучами. Будет дождь...

Пристально взглянув двери «в глаза» – как будто в чем-то с нею соревнуясь – Вренна надавила ладонью на ручку. Тихий скрип, толчок, и вот – она внутри.

Ее встретили бесстрастные бетонные стены и электрический свет плоских ламп, тянущихся по потолку. Откуда-то справа утробным бурчанием доносились мужские голоса. Неслышно прикрыв за собой дверь, она еще раз осмотрелась и пошла по коридору.

За поворотом были две наглухо закрытые металлические двери и лестница, уходящая в черноту. Вренна поднялась по ней, и голоса стали громче. Снова серые стены, снова эхо шагов отскакивает от углов и шуршит, наполняя неподвиж-

ный воздух.

– А это еще кто?

Она едва не подпрыгнула и резко обернулась, ощущая выброс адреналина как точный удар в живот. Возле ступеней, по которым она только что шла, стоял высокий, похожий на викинга мужчина в кожаной жилетке. Его широкие плечи, тяжелый взгляд и насмешливый голос излучали нешуточную угрозу, и ее окатило леденистым страхом.

Не задумываясь, она инстинктивно бросилась прочь по бетонному коридору, но он тут же нагнал ее и больно схватил за плечо. Она хрипло вскрикнула, рванулась, но покрытые рыжей шерстью руки уже крепко держали ее поперек груди.

– Игорь! – крикнул викинг, мешая ей вырваться. – Эй, смотри, какая рыбка попалась!

С ужасом и возмущением Вренна кое-как вывернулась, но на пути к лестнице возник невысокий бледный мужчина с горбатым носом. «Римлянин» – по аналогии с викингом решила она.

– Так, так, так... – он неспешно приблизился к ней, зловеще улыбаясь. – И что это мы здесь делаем?

Она молчала, глядя на него исподлобья и всё еще не оставляя надежды на побег. Неизвестно, что это за люди и чем они промышляют, но смотрят они слишком уж хищно, чтобы можно было спокойно побеседовать.

– Так что же вы здесь забыли, мадмуазель? – длинные пальцы потянулись к ее маленькому подбородку. Вренна от-

прянула, с отвращением глядя на них, но сзади с предостерегающим «Тшшш» ее подхватил викинг, и она застыла, и пальцы всё же коснулись ее. – А ты ничего... Пощупать здесь, конечно, почти нечего, зато мордашка милая. Что скажешь, Хоньев?

– Ага.

– Да вы!.. – она поперхнулась воздухом от возмущения.

– Какая гневная. А нечего ходить, куда не следует. Что, решила дозу за так стащить, а? Это у тебя не выйдет. Скорее уж мы тебя проучим.

– Вы не посмеете мне ничего сделать, – бросила она, подавляя панику. – Вы даже не представляете, кто я!

– И кто же ты? – полюбопытствовал Игорь.

Вренна раздраженно открыла рот, собираясь ответить, и замерла.

Черт!

Но ведь... хуже не будет?

– Я – Вренна Вентедель.

Игорь вскинул брови:

– Ух ты, а я думал, ты будешь повыше.

Она сжала губы.

– Советую поверить и дать мне уйти, пока у вас не начались неприятности.

– Дрожу от страха, – с насмешкой подал голос викинг из-за ее спины.

– Это правда! – вспылила она.

Игорь покачал головой:

– Неокрепшие души лолли сводит с ума. Давай представим, что это лечебница для душевнобольных, и тебе нужно пару дней посидеть в изоляторе, хорошо?

Вренна выдохнула, стараясь успокоиться.

– Слушайте, но у вас же тут есть Джек? Как, по-вашему, его фамилия?

– Откуда она знает? – напряженно удивился Хоньев.

– Его фамилия – Иванов, – сухо ответил Игорь.

– Немного подозрительно, а?

Игорь закатил глаза.

– Отведи ее наверх.

Вренна взбунтовалась и попыталась продолжить спор, но Хоньев крепко взял ее за плечи и, толкая, повел перед собой. А Игорь поспешил вниз по лестнице.

– Эй, парни! – чуть запыхавшись, воскликнул он, врываясь в комнату на повальном этаже. – Вам надо это увидеть!

В неуютном тусклом свете, оторвавшись от карт, к нему обернулись двое мужчин.

– НЛО, что ли? – усмехнулся Джек.

Его партнер по игре в покер был настроен менее скептически и с любопытством смотрел на Игоря:

– Что там такое?

– Девушка, – загадочно улыбнулся «римлянин».

Джек фыркнул.

– Что, предлагаешь на четверых поделить?

– Это у тебя такие замашки. Кстати, она по ходу твоя знакомая. И вот, что самое интересное – представилась Вренной Вентедель.

Ухмылка на лице Джека поугасла.

– Что за бред? – буркнул он.

– Пошли, познакомишься.

– Пошли, потом доиграем, – молодой оппонент слегка ударил его по плечу, и Джек неохотно поднялся.

Через пару минут они были в комнате на третьем этаже, и из полумрака, отсвечивая алым, на них смотрели два гигантских серых глаза. Джек невольно поежился, и Зимин, его сокартежник, удивленно покосился на него.

– Эй, Хоньев! – позвал Игорь. – Тебя съели? – и в комнате тут же зажегся свет. Викинг стоял позади стула, на котором сидела девушка.

Джек закрыл глаза, усмиряя непокорное сердцебиение, но стоило ей негромко назвать его по имени, как оно снова пустилось вскачь, отдаваясь болью при каждом ударе.

– Кто это? – спросил Джек.

– Не знаю, – Игорь пожал плечами. – Но, кажется, она знает тебя.

– Зато я ее – нет, – отрезал Джек, бесстрастно заглянув Врэнне в глаза. В них отразились злоба и ужас.

– Урод! С каких это пор ты меня не знаешь, придурок?!

Он пожал плечами.

Трое мужчин наблюдали сцену в недоумении.

– Думаешь, я не смогу доказать, что мы знакомы, Джек Вентедель?

Он вздрогнул всем телом.

Вренна высокомерно скривила губы и неспешно начала перечисление:

– Так, ну хорошо, тебе двадцать пять лет, ты много куришь, но последнее время не напиваешься. В Картре ты недавно, меньше года, скорее всего. Встречался с девушкой по имени Юля, но недавно расстался. Живешь на Красной Набережной, дом семнадцать.

Все молчали.

– Шрамы перечислять?

– Не надо, – буркнул Джек.

– Э... – Игорь в замешательстве поднял палец в воздух. – Что это за хрень была?

– Ну да, мы знакомы, но это ничего не доказывает! – огрызнулся Джек, смотря в сторону.

– Чего не доказывает, чувак? – изумленно спросил Зимин. – Это само по себе, знаешь, как-то... подозрительно.

По лицу Вренны медленно расплывалась победная улыбка.

– Чего подозрительного-то? – мрачно и без особой надежды поинтересовался Джек.

– Почему ты притворялся, что не знаешь девушку?

– Девушку, – холодно добавил Игорь, – которая называет тебя Вентеделем. Почему?

Джек отмалчивался, разглядывая пустоту.

– Знаешь, – продолжил Игорь. – Не знаю уж, кто ты там и что сейчас думаешь, но всё это не так плохо. Ты ведь давно хотел аудиенции Сказочника, – Джек наконец поднял на него взгляд. – А с Джеком Вентеделем он встретится значительно охотнее, чем с Евгением Ивановым, – окончил Игорь с усмешкой.

– Постой, ты думаешь?.. – возмущенно пробасил Хоньев. – Это же Джек!

Игорь склонил голову набок и прищурился, глядя на «подсудимого».

– Слушай, Джек, а может, ты и сам признаешься?

– В чём признаюсь?

До них донесся тихий сдавленный смех, и все обернулись к девушке, вальяжно раскинувшейся на стуле.

– Да конечно это он! – презрительно заявила она, заметив, что все смотрят на нее. – Посмотрите на эту предательскую рожу – кто же он еще?

– Заткнись! – рявкнул Джек. – Тупая кукла!

– Знаете, что... – задумчиво проговорил Игорь. – Джек, ты прости меня конечно... И вы, барышня, гхм... не сердчайте, – он вскинул брови, сам удивляясь таким оборотам. – Но лучше запрю я вас от греха подальше. По крайней мере, до завтрашнего утра. А там уж и Сказочник, наверное, подъедет – вот сам и разберется...

– Игорь, пожалуйста, – Джек отступил на шаг.

– Прости, приятель.

■

– Зачем ты им это сказала? – сокрушенно прошептал Джек.

Мы были вдвоем, взаперти... Запакованы в беспросветный металлический коробок со звенящими от холода стальными стенками. По ту сторону запертой дверцы встроен кодовый замок, и щелчки от прокручивания его колесиков до сих пор эхом стучат по стенкам зловещей тюрьмы.

Я сидела на коленях и глотала черноту. Над ухом, совсем близко, нервно дышал Джек. Пахло сыростью и смазкой.

– Зачем?... – удрученно повторил он.

– Как зачем? – я хотела возмущенно воскликнуть это, но вышло как-то испуганно и неуверенно. – Да... да они бы не знаю что со мной сделали иначе!..

– Дура, ничего бы тебе не было.

Судя по звукам, он попытался встать, но ударился головой о потолок и тихонько взвыл.

– А теперь, – он прислонился к стенке и то ли вздохнул, то ли зашипел. – Теперь неизвестно, что нас ждет. Может быть, ты забыла, но далеко не все люди в восторге от Вентеделей. И, уверен, найдутся такие, кто всю жизнь только о том и мечтал, чтобы собственноручно прикончить одного из нас. Видишь ли, не все такие, как твой Лени.

Я вздрогнула.

– А он-то здесь при чём?

– А просто так – к слову пришлось.

Я живо увидела в воображении, как он усмехается. Глаза обращаются в ядовитые щелочки, правый уголок губ, будто расстегивающаяся молния, заползает на щеку, и по всей этой щеке от носа до рта прорезается кровожадная остроугольная складка.

У нас впереди было порядка четырнадцати часов в стальном сейфе метр на метр на метр. Есть ли сюда доступ воздуха – еще вопрос. И удастся ли нам наедине друг с другом дожить до того момента, когда этот вопрос станет актуален – тоже еще неизвестно.

■

– Ваши коллеги сказали мне, что у вас есть ко мне очень интересное предложение, молодой человек. В вашем распоряжении полчаса. Я вас слушаю.

Я слегка опешил от такой деловой хватки, но быстро взял себя в руки. Этот разговор я мысленно репетировал не раз. Не дожидаясь приглашения, я сел напротив Сказочника и поднял на него взгляд.

– Антон Валентинович, как вы считаете, есть вещи, которые нельзя пускать на самотек?

– Вы уверены, что хотите начать настолько издалека?

– Вы сказали, что у меня есть полчаса, и я могу ими распорядиться, верно?

– Да, пожалуйста, – без особого интереса признал Сказочник.

Я невольно облизнул губы.

– Антон Валентинович, вы могущественный человек. Но вы многое можете потерять в сложившейся ситуации.

– Вы мне угрожаете? – всё тем же скучающим тоном поинтересовался он.

– Ни в коем случае. Я говорю о крушении Договора, – никакого понимания в глазах. – Договора между Вентеделями и кораблистами.

Он усмехнулся.

– Это не имеет ко мне отношения.

– Боюсь, что скоро это поймет отношение ко всем.

Он покачал головой.

– Да, и сейчас вы предложите мне вложить деньги в постройку космического корабля, который унесет меня отсюда в безопасное место? – в голосе звучало едва сдерживаемое раздражение и желание прогнать меня отсюда.

– Что за бред? – воскликнул я. – Я предлагаю истребить кораблистов, пока они слабы и безвольны!

Он вскинул брови.

– Обращайтесь в парламент.

Я выругался сквозь зубы.

– Да чем они лучше вас, черт возьми?! К кому еще обращаться за взрывчаткой и оружием, как ни к вам?

Он тяжело смотрел мимо меня, сокрушаясь, что дал не пять минут, но вдруг его черные глаза слегка сощурились и заблестели, лицо отобразило закипевший мыслительный

процесс и, наконец, Сказочник с интересом оценил меня взглядом.

– И как ты себе это представляешь? – он вдруг перешел на «ты». – Снарядить огромную армию и громить Замки один за другим?

– Нет. Я изучал старинные книги, и вот, что я знаю: кораблистами правит некий коллективный разум – они вроде колонии одноклеточных. Но у этого коллективного разума есть физическое воплощение, так называемый «Корабль», или «Король кораблистов». Уж не знаю, что он из себя представляет, но обитает он неизменно в центральном Замке – в Морской Короне.

– Какие познания, – усмехнулся Сказочник. – И ты хочешь сказать, что достаточно уничтожить этого короля, и все кораблисты... – он повел рукой, – загнутся?

– Думаю, да. На самом деле, я думаю, что перестанут рождаться новые, вот и всё. А старые – даже если не потеряют волю к борьбе и убийству – скоро издохнут. А нет – так не так уж сложно перебить.

– Если всё так просто, почему до сих пор никто не совершил этого подвига?

– Так проблемы не стояло. Сохранялся баланс. Процент смертности от рук кораблистов был низок – все эти столетия. Люди могут сколько угодно ненавидеть Вентеделей, но в действительности они в долгу у нас... них.

Я слегка запыхался, а Сказочник долго смотрел на меня

с легким удивлением.

– Ладно, – наконец сказал он. – А что же в той войне в десятом веке? Почему тогда не добрались до короля?

– Добрались. Но убивать не стали. А заключили Договор.

– Вот как?

– Родерик Суан Ван Вентедель посчитал, что власть над врагом – лучшая победа, чем расправа с его правителем. По легенде, сразу после заключения Договора, став единственным и полновластным хозяином кораблистов, он собрал их всех на краю обрыва и хотел уже отдать приказ покончить с собой, но в последний момент его одолели сомнения. Он подумал о могуществе, которое сулит его новая власть, о том, как быстро кораблисты смогут восстановить его страну – и раздумал их убивать.

– Его можно понять.

– Пожалуй.

Я молчал с минуту в неловком ожидании, но Сказочник лишь безмолвно постукивал пальцами по столешнице.

– Ну так что? – наконец спросил я.

Сказочник хмыкнул с заметной досадой на губах.

– Звучит всё это, конечно, хорошо. Но только вот, как я понимаю, чтобы осуществить твою затею, нужно пробраться в Замок. Я своих людей на бессмысленное самоубийство не пошлю.

– Верно, им понадобится помощь провожатых – Вентеделей.

– И у тебя есть такие на примете?

Я опустил глаза, собирая в кулак свою решимость. Ненавижу раскрывать все карты, но выбора сейчас уже нет. Дела нужно доводить до конца, как-никак.

– Так точно. Я и моя племянница.

Я поднялся на ноги и протянул Сказочнику руку:

– Дриммор Вентедель.

Он проследовал за мной напряженным, внимательным взглядом и медленно-медленно расплылся в оскале.

– Сказочник.

Рукопожатие оказалось коротким и твердым.

Я покинул кабинет через пятнадцать или двадцать минут, договорившись о новой встрече и с трудом отвертевшись от бессмысленных вопросов типа, какова моя выгода или где гарантия, что я говорю правду.

За поворотом коридора меня встретил встревоженный вопросительный взгляд Игоря. Я состроил скорбную гримасу, затем засмеялся. Игорь смерил меня снисходительным взглядом и тоже усмехнулся.

– У меня только один вопрос, – заявил я, когда мы двинулись прочь от кабинета, где восседал босс. – Ты ведь не сказал ему, кто я. Просто гхм... «сообщил, что у меня очень интересное предложение». Ты мог сказать это сто лет назад.

– Ну, знаешь... Пока твоя подружка не сказала, что ты Вентедель, все твои идеи звучали, ну... полным бредом.

– Что? С какого?.. – возмутился я и хмуро затих. – А?..

Ну... – я почувствовал, что лоб совсем сморщился от хмурости. – Как она там?

Игорь покосился с усмешкой.

– Не беспокойся, всё с ней в порядке.

Ночной поезд | 4

Окно казалось наглухо закрытым, но от него растекалась приятная чуть влажная прохлада. За стеклом мелькала темно-зеленая пелена ночного леса, и струились ленты проводов.

Впервые в жизни еду в поезде...

Я успела проклясть все поезда вселенной за то время, пока мы загружались в четырехместную кабинку, что сейчас за моей спиной, и пока ругалась с Джеком и его приятелями, но... возможно, в этом заглушенном утробном гromыхании, мерных толчках и бегущих деревьях что-то есть. В каком-то фильме говорилось, в ночных поездах рождается философия... Кажется, я начинаю в это верить.

Шепот:

– Привет.

Я испуганно обернулась.

Майя. И по лицу неволью расплылась улыбка.

–

Четырьмя часами раньше я сидела в жалком уголке нашего купе, возле двери. Ноги на койке и обхвачены руками, лоб

упирается в колени, а позвоночник больно трется о стенку. Дверь открыта, но всё равно здесь ужасно душно, на лице липкая испарина, и я чую кислый запах пота.

Кроме меня в купе еще шесть человек. Развязные и шумные мужчины, в том числе долговязый Зимин, «викинг» Хоньев и «римлянин» Игорь. Все сгрудились вокруг бледного хлипкого столика, навалились друг на друга и играют в карты, периодически отпуская похабные шуточки на мой счет. Из телефона, лежащего на столе, сыплется уродливая музыка.

На верхней полке напротив меня лежит Джек. Лица не видно, но кажется, его в этой жизни всё вполне устраивает.

В какой-то момент он лениво приподнялся на локте, немного нагнулся вперед и махнул мне рукой:

– Принеси кофе, а?

Я возмущенно воззрилась на него. Мало того, что он затасил меня сюда, мало того, что он строит какие-то сомнительные планы вместе с этим отребьем – он вздумал считать меня за служанку?! Всё равно что за кораблиста. Да чтоб он сдох. Кстати. Похоже, он больше не боится брать напитки из моих рук. Наивный дурак.

– А может, чай, дорогой? – красноречиво улыбнулась я, и Джек понимающе кивнул. На этом конфликт и был бы исчерпан, но для сторонних слушателей наш разговор имел совсем иной тон. Оторвавшись от карт, Хоньев подмигнул мне: – А нам чего-нибудь покрепче захвати? Ну, ты понимаешь.

Я смерила этого увальня взглядом, от которого у него должен был вывалиться кишечник.

– Да ладно тебе, – удивился он, – всё равно же пойдешь.

– Да, принцесса, – присоединился к нему Зимин. Он быстро отодвинулся от стола и почти прижался ко мне, влажно блестя глазами. – А лучше, сыграем вместе в карты?

Мне на колено опустилась горячая ладонь, и я разъяренно ударила ребром кисти по его щеке, вскочила на ноги и скрылась из купе.

Отвратительные людишки! Зная, кто я – да как они смеют?! И Джек тоже хорош. Разве не жена я ему? Как он позволяет этим ничтожествам меня лапать?!

Я стояла в проходе поезда, невидящим взглядом смотря в окно, а мимо меня то и дело протискивались чужаки, обдавая меня своими запахами, а то и вовсе толкая – и каждый раз внутри меня поднималась новая вспышка ненависти и отвращения. Если подумать, всё это сводилось к тому, что в поезде было нестерпимо душно, словно кончался кислород – и это настолько отравляло существование, что я не могла не думать об убийствах.

Краем глаза я видела, как справа неловко приближается фигура, несущая что-то в руках – и тут поезд резко встряхнуло, фигура пошатнулась, и на меня посыпались обжигающие брызги. Со злым воплем я отскочила в сторону, а мальчик, ошпаривший меня, начал судорожно извиняться, балансируя с четырьмя чашками кипятка. Это был рыжеволо-

мый подросток чуть выше меня с глупой улыбкой и еще более глупым картонным колпаком на голове. Он выглядел нелепо и жалко, и с его непропорционально крупных кистей капала горячая вода. Руководствуясь безотчетным порывом, я улыбнулась с ноткой снисхождения и забрала у него две чашки. Пока мы шли к его купе, выяснилось, что там отмечают день рождения некой Майи, и я могу к нему присоединиться.

До чего странная ситуация! Только что я воображала, чтобы этот поезд сошел с рельсов и всех его пассажиров раздавило чемоданами – а теперь эти самые пассажиры радушно приглашают меня на свой праздник. Что ж, это лучше, чем возвращаться к Джеку или и дальше стоять в коридоре.

Итак, мы вошли в переполненное праздничное купе, поставили чашки на стол, и рыжий мальчик объявил:

– Встречайте! ...как тебя зовут? Это Вера! – потом он указал на симпатичную округлую девушку, сидящую у окна, и тихо пояснил мне: – Вот Майя, у нее день рождения.

– Поздравляю, – смущенно улыбнулась я.

Майя светилась восторгом.

– Садись куда-нибудь! – она махнула рукой, затем прошла хитрым взглядом по всем. – Вау, нас уже четырнадцать – прямо как в Хоббите! Надо же, я думала, день рождения в поезде будет ужасным, но вы все такие милые... и праздник с каждой минутой становится лучше и лучше!

Мой сопровождающий протиснулся к столику и сел в небольшую дырку возле угла стола, оставленную специально

для него. Больше мест не было, даже на верхних полках.

– Садись мне на колени, – улыбнулся рыжий.

Я возмущенно закатила глаза и осталась стоять возле двери. Не особо замечая меня, подростки продолжали свой праздник – кричали, смеялись, поглощали еду и украдкой приставали к девочкам. Я чувствовала себя юным натуралистом в дикой природе – и вдруг поймала на себе пристальный взгляд именинницы. Он пронзал пространство и словно выводил нас с ней на другой уровень – отдельный от чаепития и душного поезда.

– Ты немножко похожа на пришельца из другого мира – но ты только пришелец из другого купе, – загадочно заметила Майя.

– Да нет, в целом, я из другого мира.

Как странно, здесь было так много людей, но казалось, никто из них нас не слышал, и мы говорили будто наедине.

– Каждый на самом деле живет в своем собственном мире, – кивнула Майя. – Так что все мы пришельцы.

Несколько секунд я удивленно смотрела на эту девушку с прической в форме гриба, а затем мистический контакт распался, вокруг нас снова было еще двенадцать человек. Они шумели, веселились и объедались печеньем, и кто-то настойчиво предлагал мне сесть ему на колени. Ничего хорошего, но почему-то... здесь было лучше, чем в «родном» купе.

Не знаю, провела я там десять или двадцать минут – в основном молчала, смущенно улыбалась и осторожно хлебала

чай – а затем явился Джек.

Он вырос в проходе, подобно черной горе, и грозный взор его заморозил все звуки.

– Привет, – с легким недоумением улыбнулась ему Майя. – Ты?..

Но Джек не удостоил ее вниманием. Он небрежно испепелил взглядом рыжего мальчика, как будто видел тогда, как мы шли вместе по коридору, и взревел с нежностью автоматной очереди:

– Вренна! Какого черта ты здесь делаешь?!

Я опешила и рассердилась. Театрально обернулась к публике и объяснила:

– Не обращайтесь внимания. Ему скоро надоест, и он уйдет. Взгляды перебегали с меня на Джека и обратно.

– А ну быстро пошла в наше купе, – с неожиданной сухостью приказал Джек.

– Так, мужчина!.. – попытался было вступиться за меня хрупкий женоподобный мальчик, сидевший возле двери, но на большее его не хватило.

– Никуда я не пойду.

– Да ладно? – Джек лениво прищурился.

– А что? Какая тебе разница, в каком купе я еду?

– Действительно, – внезапно согласился Джек, ничуть не меняясь в лице. – Тогда я присяду, ты же не против?

И безапелляционно растолкав двух испуганных девчонок, он с довольным видом уселся возле стола. В изумленной

тишине он показательно умял несколько пряников, запил из чьей-то чашки, попробовал торт и поморщился. Затем, совсем разбуянившись, принялся втыкать картошку-фри в торт и кидать в чашки с чаем.

Какое убожество.

– О да, детка, ты просто Гений Зла, – мрачно буркнула я, наблюдая за этим действием. – Ладно. Я дико извиняюсь, мы пойдем.

Я попыталась дать дядюшке подзатыльник, но он увернулся.

Уходя, он захватил с собой истерзанный торт.

В нашем купе Джека ждало сокрушительное фиаско. Мы оба принялись наперебой рассказывать о действиях друг друга, причем мои слова были подкреплены тортом, и в конечном счете наши спутники предпочли отвести взгляд, чтобы глаза не так ярко горели презрительным недоумением.

Джек расхохотался и исчез на верхней полке.

Вскоре трое гостей ретировались в свое купе, и двое оставшихся людей Сказочника стали негромко обсуждать что-то про умалишенных. Я в полудреме сидела в своем углу, когда в дверь грозно постучали.

Мы трое переглянулись.

– Войдите, – удивленно позвал Игорь.

Дверь содрогнулась и отъехала в сторону, за ней толпилась армия из тринадцати подростков. В течение секунды их лица светились праведным гневом, но при виде той тихой и

мирной атмосферы, что царила сейчас в купе, они засветились примерно как помидоры.

– Я могу вам чем-то помочь? – учтиво поинтересовался римлянин.

– Э... Мы... – перевели взгляд на меня. – Ты...

И наконец заметили торт.

– Это наш торт!

– Забирайте.

Женоподобный мальчик неловко взял покалеченный десерт и замер, неуверенно оглядываясь по сторонам.

– Идите отсюда, – буркнула я. – Со мной всё в порядке.

После недолгих пререканий мои неудачливые спасители потолкались немного в дверях и ушли восвояси.

–

И вот, спустя четыре часа, устав от бессонницы, я вышла в тусклый коридор и застыла перед окном, опершись локтями на белые перила. Возле меня в той же позе стоит Майя. На ней плотные черные колготки и бордовая туника по середину бедра. Русые волосы растрепались во время многочисленных попыток уснуть, но всё равно напоминают шляпку гриба. Она почти не улыбается, и ее юное лицо кажется удивительно взрослым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.